

СЕРГЕЙ АДОДИН

Книжка для своих

Сергей Адодин

Книжка для своих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73109903

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов и сказок переносит читателя в атмосферу тонкой философии, глубокой рефлексии и необычайных событий, в которых сталкиваются реальность и фантазия, повседневное и метафизическое. В центре – внутренние конфликты и внешние обстоятельства, определяющие жизнь и судьбу обычных людей.

Каждый рассказ открывает перед читателем отдельную историю, богатую символизмом и многослойностью, превращая знакомство с произведениями в интеллектуальное и эмоциональное путешествие. Читатель столкнётся с непростыми вопросами, на которые каждый найдёт свой ответ: как соотносятся свобода и зависимость, вера и сомнения, любовь и одиночество, спасение и трагедия.

Коллекция написана простым, выразительным языком, обогащённым яркими художественными образами и ассоциациями, создающими неповторимую атмосферу и задающими ритм чтению. Книга подарит удовольствие от соприкосновения с прекрасным русским словом, откроет глубины души и напомнит о вечных истинах, придающих смысл нашему существованию.

Сергей Адодин

Книжка для своих

Рассказы

Дверь в мою весну

Насколько я помню, тут всегда была детская площадка. Небольшой проулок заканчивался глухой бетонной стеной. Окна начинались только с третьего этажа, что давало большой простор любым забавам с мячом. Видавший виды потрескавшийся асфальт был расчерчен белой краской на игровые зоны. Летом мальчишки приходили сюда ещё ранним утром, а расходились уже при свете фонарей.

Однако сейчас площадка отсутствовала. Да и целый проулок тоже! Я остановился как вкопанный, уставившись на витрину неизвестно откуда взявшейся антикварной лавки. Сзади на меня налетела средних лет женщина, едва не сбив с ног.

– Встал посреди дороги, старый хрыч! – ругнулась она, проверяя содержимое пакета в руках. Очевидно, там были яйца. Я даже не стал огрызаться. Настолько меня потрясло случившееся.

Ну, представьте себе, что семьдесят с лишним лет вы своими глазами наблюдаете восход, а потом вдруг обнаруживаете, что солнца никакого нет. Мало того, никто вокруг этого

самого солнца-то и в глаза не видывал (прохожие совершенно спокойно проходили мимо – я специально понаблюдал).

Меня стал прошибать пот. Но, решив не поддаваться панике, я сначала убедился, что не перепутал местность. Затем тростью проверил наличие витрины на том самом месте, где когда-то находился злополучный проулок. Витрина была, причём со вкусом оформленная, с удачным сочетанием малинового, чёрного и золотого. А вот проулок, увы, исчез. Стена во всех местах выглядела однородной, безо всяких признаков недавних строительных работ. Мне стало неожиданно горько. Дожил-таки до сумасшествия. От нахлынувшего чувства великой жалости к самому себе я чуть было не расплакался. Вспомнился фильм, где герой в самом конце узнаёт, что у него всю жизнь были галлюцинации, которые он принимал за чистую монету. Как же он там назывался? Впрочем, ну его!

В психушку очень не хотелось.

Немного поразмыслив, я решил провести небольшую разведку. Остановив проходящую мимо молоденькую девушку, я, ткнув тростью в вывеску, попросил её подсказать мне название «вот этого магазина». Для убедительности я подслеповато щурил глаза, которые никогда не нуждались в очках.

– Дедушка, какого магазина? Тут же подворотня какая-то! А магазин во-он где! – она правой рукой заботливо взяла меня за локоть, поворачивая в сторону гастронома. Безымянный палец не обременён кольцом, а руки – пакетами с про-

дуктами. Скорей всего, не замужем.

– Спасибо, дочка – промямлил я дрожащим голосом, – очки вот дома позабыл. Ничего не вижу.

– Давайте я вас доведу, – предложила она.

– Нет, доченька, пойду домой, за очками. Дай Бог тебе здоровья!

Девушка мило улыбнулась и пошла своей дорогой. Значит, всё-таки, жёлтый дом.

Я остался стоять пень пнём, уныло глядя ей вслед. Когда она скрылась из виду, я, убедившись, что на меня никто не смотрит, ещё раз проверил свою галлюцинацию на ощупь. Всё было вполне реально. Штукатурка даже крошилась и пачкала руки.

– Упал, отец? – вопрос задал добродушного вида здоровяк, оглядывая меня. Пышная, боярского вида борода делала его похожим на священника, но серьга в ухе и изящная печатка на пальце подсказывали обратное. Скорее всего, художник какой-нибудь или режиссёр. В общем, человек искусства. Увидев в моём взгляде непонимание, он пояснил:

– Да вот, грязный весь.

Действительно, видок у меня был ещё тот. Штукатурка выпачкала мне рукава и брюки.

Стоп!

Он её видел, штукатурку!

Кое-как отделавшись от заботливого бородача, я отошёл в сторонку и присел на старую деревянную скамейку, внут-

ренне ликуя.

Всё-таки я не рехнулся, как показалось сперва. Ну, по крайней мере, не совсем. Но вот беда: только я один видел эту проклятущую лавку, остальные видели проулок.

Стеклянная матовая дверь распахнулась и выпустила шумную ватагу чумазых ребятишек с футбольным мячом. Они, ссорясь и перебивая друг друга, громко обсуждали только что закончившуюся игру.

М-да, вряд ли ребята играли в мяч посреди всяких статуэток и греческих ваз. Может, стоит войти внутрь и положить конец догадкам и сомнениям?

«Эти вазы, милый Филя, ионического стиля», – пробурчал я себе под нос, поднимаясь со скамьи и направляясь к таинственным дверям.

Внутри не было ни души. Красный мраморный пол, обшитые эбеновой рейкой стены, потолок с яркими светильниками в виде звёздного неба. И дверь с золотой ручкой в виде львиной морды.

Первый шаг уже сделан, поэтому на второй много времени не потребовалось. Потянув за ручку, я распахнул дверь.

Я ожидал увидеть всё что угодно: комнату пыток, набитую глупцами вроде меня, больничную палату с зарешёченными окнами и мягкими стенами, просто пыльный чулан, в конце концов. Но за дверью была весна.

Настоящая, с цветущей ивой на берегу тихого затона, полного окуней, жирных от стрекоз. С сочной ярко-зелёной тра-

вой на пригорке, растущей вперемешку с золотыми макушками одуванчиков. Ах, какое варенье когда-то готовила из них мама! Ещё был родной домик с зелёной застеклённой верандой. Во дворе росла могучая сосна. С неё я однажды свалился прямо на грядки с анютиными глазками, а перепуганный насмерть младший братишка громко заревел, не зная, что делать. Вовремя подоспевший отец, подхватив меня на руки, хлопнул по спине, отчего я снова начал дышать. Как испугалась тогда мама, запретив даже близко подходить к сосне! А вот и рыжий соседский кот – снова лежит на крыше нашего сарая. Ждёт, хитрец, когда гуси выйдут на двор. Ставни дома были открыты, из трубы поднимался прозрачный дымок – мать готовила завтрак.

Я уже стоял в самом проходе, готовый вприпрыжку бежать к родному дому. Хотелось смеяться, петь, гонять котейку, снова залезть на сосну и свалиться с неё ещё хоть тысячу раз! Я посмотрел на свои детские руки, уже не скрюченные артрозом. Они крепко сжимали ивовый прут вместо привычной трости. На мне снова были короткие клетчатые штанишки с большой пуговицей на кармашке. И жёлтые сандалики с дырочками. И чуть великоватая мне белая кепка с якорем на козырьке. Так просто дышалось теперь, когда лёгкие уже не были забиты угольной пылью!

Ещё один только шаг – и я смогу остаться здесь. Я понимал это, хотя никто ничего мне не объяснял. Что меня держит в мире, где я живу один в пустой двухкомнатной «ста-

линке» с видом на двухэтажный барак во дворе, не имея уже никого в живых из друзей и родных? Любушка умерла тридцать пять лет тому назад. Она так и не смогла пережить смерть старшего сына Витеньки, погибшего на Афганской войне. Младший наш сыночек Сашенька разбился на машине двадцать два года назад. А брат Вова перенёс два инфаркта и умер на больничной койке в прошлом году. Он не был женат и не оставил детей. Близкие друзья давно уже отошли в лучший мир.

И тут я заплакал, по-детски размазывая слёзы по щекам. Господь Бог уж точно не забавляется злыми шутками. Но кто тогда придумал всё это? Кто решил, что я смогу променять груз пережитых лет на безмятежное детство? Выстраданное душой, незабытое и незалеченное временем я просто не в силах отдать взамен. Перешагнуть порог? Но болит моё сердце. Сейчас это уже сердце ребёнка, но оно так и не помолодело.

Я сделал шаг назад, сполна ощутив навалившееся на меня бремя лет. Вчера онколог честно назвал мой срок – не более двух месяцев. Значит, уже скоро. На что мне суррогат жизни? Ведь настоящая – уже за плечами, а впереди – вовсе не конец.

Там только начало.

Решительно захлопнув дверь, я повернулся и, опираясь на трость, вышел на улицу, оставив свою весну позади.

Ворваться в рай

Я никогда не пристёгиваюсь ремнём безопасности, поскольку от него мнутся рубашка и галстук. А чтобы не раздражала сигнальная лампочка, я купил специальную заглушку для фиксатора ремня. Торжество разума над японской электроникой.

Воскресным утром на трассе всегда мало машин. Да и гаишники в это время спят. Я обычно разгоняюсь до ста сорока – ста шестидесяти километров в час. Трасса у нас приемлемая. Говорят – лучшая до самого Урала. Если умеешь водить – чего ещё желать?

Владелец Volkswagen Touareg управлял машиной так, как ему хотелось. Лихо вырулил от шашлычной на проезжую часть. Поворота не показал, меня не пропустил. Чтобы не влететь в новенький кроссовер на полном ходу, я резко утопил педаль тормоза. Визг покрышек, размазывающихся по асфальту, наверное, перебудил весь посёлок. К чести моего автомобиля надо сказать, тормоза на нём отменные – на обеих осях, с системой распределения нагрузки. Поэтому машину не закрутило и не выбросило с трассы. Но скорость у меня была более чем приличная – расстояние до немецкого народного автомобиля стремительно сокращалось. Секунда-другая – и лишение прав гарантировано. По внушительному тормозному пути грамотный инспектор легко определит скорость моего движения по трассе. И это – при ограничении в сорок километров!

Поэтому я вильнул рулём на встречную полосу. Зря, в об-

щем. Этот-то манёвр мне и не удался. Судя по всему – под колесо что-то попало. Кто его знает – что. Может, кусок кирпичика – случается и такое.

Через мгновение я врезался в световую опору и от удара со всего размаху налетел грудью на руль. Тут же подушка безопасности резко отбросила меня назад, и я, стукнувшись головой, потерял сознание.

Пришёл я в себя от того, что какой-то бородатый мужик растирал мне уши.

– Ну вот, очнулся. Лежи, не вставай, – торопливо добавил он, видя мои попытки пошевелиться.

Я еле дышал. Сознание путалось. Всё вокруг как-то странно дергалось. Тошнотворный запах крови прятался где-то в носоглотке.

– Что... со мной? – язык еле двигался во рту.

– Грудину сломал, голову разбил.

– Чего? Ты... это... врач?

– Врач. И священник. Тебя как звать?

– Ммм... Семён.

– Семён, ты не хочешь исповедоваться?

– Зачем?

– Я могу исповедь у тебя принять. Скорую я вызвал, но травма груди слишком опасная, риск очень большой... Ну, что, будешь каяться перед Господом?

– Не надо... – я плохо соображал, меня сильно раздражал назойливый Божий слуга.

– Послушай, родной, а вдруг не спасут тебя? Не дело выкаблучиваться. А с грехами в Царствие Божие не войти.

«Не пустят?» – спросил я. Нет, кажется, не спросил, а только подумал. Сил говорить уже не хватало.

«Не воспримешь. Даже если тайком проберёшься». Этот голос что – у меня в голове?

«Если рай есть, я туда и так попаду. А если ты врач – спасай меня!»

«Как врач я сделал всё, что мог». Это что – шутка? Или я схожу с ума?

– Ну и пошёл ты...

Закончить фразу уже не получилось, поскольку мир как-то странно закружился. А потом на меня навалилось небо.

Прошла вечность, а может быть, и одна секунда. Я очнулся. Наверное, это был плохой сон. Приснится же такое! Надо вставать, а то опоздаю.

Стоп! Не понял!

Перед глазами вместо спальни вдруг предстала давешняя дорога, моя истерзанная машина. Капот смят в гармошку, стекло вспучено. Рядом стоит тот самый поп из сна и говорит по мобильному телефону.

А на обочине возле автомобиля лежу я...

Растерянность захлестнула меня. Как же это?

Внезапно я оказался в квартире своих родителей. Они сидели на диване, не глядя друг на друга. Никогда прежде не

плакавший отец сейчас утирал обильные слёзы. На прикроватной тумбочке стояла моя фотография с чёрной ленточкой. Меня никто не замечал. Время текло как-то странно: то ли оно переключалось эпизодами, подобно фильму, то ли его вовсе не было. Промелькнули мои похороны.

Затем я взлетел куда-то ввысь. Не сам. Ощущение было такое, как если бы кто-то меня тянул. Потом я вновь переживал почти всю свою жизнь. Почти – это потому, что я видел только свои скверные дела. То, в чём часто упрекала совесть. Это давило, подобно наркотическому трансу, и я не мог остановить этот ужас. Через целую вечность кошмар – вся эта череда моей грязи – внезапно закончился. Вокруг – колющий нестерпимый свет. Словно сто тысяч софитов направили мне прямо в лицо. Будь у меня глаза, я бы закрыл их. Но как раз этого-то я сделать не мог.

Звучал голос, но я всё никак не мог его разобрать. Что-то давило на меня своим присутствием, я задыхался. Был некий вопрос, но я не мог уловить его суть. Вокруг меня присутствовала правда. Она обличала меня во всём. Я был как червяк на крючке. Хотелось бежать куда угодно, только подальше отсюда.

Вдруг всё закончилось. Появилось небо – чистое, безоблачное. Показалась земля – прекрасная, утопающая в зелени и ароматных цветах. Пели птицы. Сиял день, не нуждаясь в солнце. А с неба нисходил величественный город – древние стены из какого-то драгоценного камня. Ворота, распахну-

тые настезь, переливались перламутром. Городские улицы пылали золотом. У меня захватило дух. Мне непреодолимо захотелось устремиться туда – в этот дивный город невообразимой красоты.

Однако меня тяжко влекло куда-то вниз. Земля словно разверзлась, как при землетрясении. Там, на огромной глубине, горел огонь. Страшный, испепеляющий и леденящий. Там, внизу, были ужас, страдание, тоска, одиночество, злоба и отчаяние. Неужели это ад? Что? Как? Зачем? Ведь это же навсегда!

Я хотел закричать, но не смог. Рывок! Наверх, изо всех сил! Вся моя воля сейчас сконцентрировалась в едином порыве. Туда! В город! Чего бы это ни стоило! Только не в ад!

Разум был готов взорваться от напряжения. Всё естество противилось движению вниз. Моя цель – наверху. Я обязан быть там. Если это и есть рай, я должен в него попасть! Какая удача, что тело не обременяет меня сейчас! Я бы умер вторично от нечеловеческих усилий, которые сейчас прилагал к тому, чтобы достичь города.

И у меня получилось!

Страшная пропасть теперь отдалялась от меня. Я возно-сился туда, где сиял и пел прекрасный город. Ещё мгновение – и я внутри! Победа! Я убежал от ужаса, больше никогда мне не придётся бояться!

Золото вокруг было подобно прозрачному стеклу. Оно

тепло, будто светодиод, но не согревало. Город пустовал и безмолвствовал. Сверкали самоцветы в основаниях стен, но я не видел никого, кто мог бы насладиться зрелищем. Вся эта красота царила впустую. Сколько я уже здесь? Минуту? Год?..

В молчаливом отчаянии я метался по выцветающим и мрачнейшим улицам. Запахи, дивные запахи! Они более не ощущались. Звуки также отсутствовали. Улицы сливались друг с другом безумной схожестью. Или это одна и та же улица? Где же тогда моя золотая нить? Однообразие... Скука... Разум томился. Ничего не происходило уже целую вечность. Что это – обман? Где же хвалёное Царствие Небесное? Нет, так нельзя! Умереть! Уснуть! В ад! Хоть что-нибудь!

По ликующему многолюдному граду – небесному Иерусалиму – по залитым светом улицам бродил единственный несчастливый человек, не видя и не слыша ничего вокруг, приводя в недоумение каждого, кто сталкивался с ним.

Кровная месть

– Я не буду этого делать! – Юнус вскинул руки, как бы защищаясь. – Лучше сам застрелюсь!

Дени жалостливо смотрел, как старший брат, запустив пальцы в кудрявую копну волос, растерянно метался по гаражу.

– Чего молчишь? Выскажись!

Дени опустил голову, изучая стрелки на своих брюках,

прислонился к бамперу старой «Волги». Нашупал рукой на капоте скачущего во весь опор оленя. Закрыв глаза.

– Брат, ты ведь сам понимаешь, на весь наш род ляжет пятно из-за Малики.

– Да кто бы что понимал? – взорвался Юнус. – Кто обратит внимание? Родила – и ладно. Кому какая разница?

– Через одиннадцать месяцев после смерти мужа?! Ты что говоришь? Думаешь, люди глупы? Не в силах отличить одиннадцать от девяти? Скажут: «О, неужели Шамсти иногда навещает свою вдову»? Позор будет не только на ней. На тебе, на мне, сёстрах. На детях.

– Да не могу я! Понимаешь? Она – женщина! Как я лишу племянников матери? Я ведь не убийца! Не пойду! Нет! Ну, хочешь, я на колени встану, а?

Стремительно подскочив к брату, Дени предотвратил его попытку пасть ниц. Обнял. Горячо зашептал в ухо:

– Что ты? Что ты, родной? Не смей. Чеченцы не встают на колени. Даже женщины.

Юнус тяжело дышал. Его знобило.

– Иди в дом, Юнус. Попроси Лайлу приготовить на ужин чепалгаш. Оставим разговор до завтра, хорошо?

В ответ на кивок Дени ласково похлопал брата по спине и проводил до порога его дома. Вернулся в гараж, сел на корточки перед выдавшим виды автомобилем. Никелированный олень одиноко и гордо мчался вперёд и куда-то выше. Его цель была над горизонтом, и на земле его уже ничто не дер-

жало.

Услышав сзади тихие шаги, головы не повернул.

– Что решили-то, мужчины? – язвительно спросила вошедшая в гараж жена.

Дени промолчал, завистливо рассматривая счастливого оленя.

– Ну сделайте вообще хоть что-нибудь! – возвысила она голос. – Или, может, мне юбку снять, брюки твои надеть и самой взяться за это дело? Если мужчин в роду не осталось. В сентябре дети в школу пойдут. Что им скажут? А отец? Он глаза на меня, свою сноху, не может поднять от стыда. Если бы он мог ходить, уже давно смыл бы позор с твоего покойного брата! Молит Бога о втором инсульте!

Дени поднял руку, прерывая гневную тираду.

– Альбика, верёвка хороша длинная, а слово – короткое. Прошу тебя, не ругайся. Завтра Юнус сделает то, что должен сделать. Я всё улажу.

Жена недоверчиво хмыкнула и удалилась в дом.

Дени остался один. Потёр с усилием лоб. Долго сидел, закрыв глаза.

Поднялся, вяло походил вокруг машины, над которой бился уже третий месяц.

Подошёл к верстаку и взял в руки двуствольное ружьё, которым обычно пугали голубей. Повесил за плечо.

Запустил руку в коробку с патронами, вынул полную горсть, высыпал обратно. Холостые сейчас не нужны.

Торопливо, чтоб никто не заметил в окно, пересёк пустой дворик между тремя домами – его, Юнуса и овдовевшего отца. Остановился на мгновение у ворот под грецким орехом, с которого свалился в девятом классе и чуть не испустил дух. Прислушался к возмущённым крикам, доносившимся из глубины сада. – дети гоняли мяч в лунки, и Марет, его старшая дочь, кажется, уличала кого-то из братьев в нечестной игре.

Потихоньку вышел на улицу и, вежливо здороваясь с попадавшимися на пути соседями, поплёлся мимо кладбища вверх по улице – к дому своего двоюродного дяди.

– Патроны, говоришь? Какой калибр? Двадцатый? А-а... Сейчас, – Солса долго копался в доме и, наконец, вынес коробку с патронами. – Вот, с пулями. С дробью кончились.

Он покосился на ружьё, висевшее за плечом племянника.

– Что-то ты небритый какой-то сегодня. И стрелки у тебя плохо проглажены. Ладно, пойду домой, русские сейчас с румынами играют. Пока ноль-ноль. Надеюсь, Протасов им покажет настоящий футбол.

И Солса поспешил в дом, оставив Дени сидеть на скамейке. Через минуту из дома раздались истошные вопли:

– Что-о? Один-ноль? Как? На сорок первой минуте! Собачьи дети! Тьфу! Сорок тысяч человек на стадионе! Так опозорить страну! Криворукий Даса...

Дальше Дени не слышал, ибо взял из коробки один патрон, сунул его в карман брюк и выбрел со двора.

Тутовник уже начал осыпаться, и его раздавленные ягоды красили тротуар в белый, жёлтый, розовый и чёрный цвета. Люди, попадающиеся навстречу, старались не замечать либо ружья за спиной у Дени, либо его самого. Он с надеждой заглядывал в их лица, но все делали вид, что человек, прогуливающийся с ружьём по улицам города, – явление не более удивительное, чем заход солнца.

Перейдя через проезжую часть перекрёстка, Дени вынужден был остановиться – по тротуару неспешно шёл, опираясь на палку, седовласый старик в папаче. Хотя до него было метров десять, было бы непочтительно переходить ему дорогу. Вскоре старик поравнялся с ним, окинул властным взором, одобрительно качнул головой и проследовал дальше.

Дом брата был уже совсем рядом, когда из-за поворота выехала милицейская машина. Дени встал как вкопанный и облегчённо уставился на неё. Водитель между тем сбавил скорость до минимума. Милиционеры в течение целой минуты изучали Дени через окна с опущенными стёклами. Затем, показав правый поворот, «бобик» свернул на другую улицу и уехал, оставив Дени потрясённо глядеть ему вслед.

Прислонившись спиной к низкому кирпичному забору, который они с Шамсти и Юнусом когда-то выкладывали самостоятельно, Дени сел на корточки, откинул голову назад и долго смотрел в медленное розовое небо. Потяжелевшая двустволка лежала на его руках. Загнав патрон в патронник ствола, он, удерживая открытое ружьё на сгибе руки, вошёл

во двор, оставляя своё счастье где-то далеко позади.

– Малика! – закричал он так громко, как только смог. – Выходи и встреть свою смерть!

Ответом ему был испуганный плач младенца. Он вздрогнул. Голова как-то странно закружилась.

– Малика, выходи! – взревел он, перекрикивая футбол, «Изауру» и безмятежность всего мира. – Это я, Дени! Я пришёл убить тебя!

Он затворил ружьё и взял его наперевес, не взводя курка. Дверь открылась, и на порог вышел старший сын Шамсти – Арсен.

– Уходи, Дени! – крикнул подросток так, чтоб слышали соседи.

Дени уставился на племянника. Тот смотрел исподлобья прямо в его глаза.

– Она – моя мать! Не дам её убивать! Что бы она ни сделала! Хочешь – в меня выстрели! Зачем ты пришёл? Иди домой! Пусть на мне будет позор! На мне одном!

Опустив ружьё к земле, Дени закрыл глаза, вдохнул сладкий запах вечерней прохлады и представил, как одинокий олень взлетает в небо и парит над всей землёй.

Спустя минуту он спокойно и чинно шёл по розовой улице, но в душе своей бежал, взлетая, раскинув руки, словно крылья и счастливо смеялся, не замечая никого вокруг.

Ружьё, никогда не стрелявшее ничем, кроме холостых патронов, осталось валяться в пыли под ногами юного Арсена,

который благодарил Бога, что его никто сейчас не видит, и плакал, украдкой утирая слёзы.

А когда, спустя месяц, хоронили старого Лечу, Арсен молча стоял отдельно от всех мужчин, поскольку был опозорен. И только один Дени тайком поглядывал в сторону племянника.

Постоялец

Солнце клонилось к закату. Его розоватый свет нежно выстилал покатые крыши, усыпанные ежистыми антеннами, слегка погнутыми от недавнего урагана.

Узкая улочка спускалась между домами к дамбе. В звонкой тишине летнего вечера отчётливо слышался шум быстрой речушки. Сочные кроны тополей едва колыхались от ленивого ветерка, который, казалось, был утомлён длительным перелётом от холмов, что виднелись вдали. Таким же ленивым выглядел этот городок: опустевшие улицы разомлели от жары и готовились ко сну.

В дворике двухэтажной гостиницы с одинаковыми окнами на толстой ветке старого тополя лежал мальчишка пятнадцати лет. Листва здесь выросла достаточно густая, образуя надёжное укрытие. Болтая в воздухе ногой, обутой в кроссовку, он следил за одним-единственным окошком. В нём вот-вот должна появиться дочка владельца гостиницы. Её зовут Анной – обладательницу самой красивой в мире улыбки, милых карих глаз с солнечными зайчиками и доброго доверчи-

вого сердца. Только её присутствие озаряет для него этот город помимо глупых фонарей.

К гостинице подъехал шумный грузовик с бортами. Из кузова выбрался среднего роста мужчина, одетый несколько вразнобой: из-под застёгнутого на все пуговицы серого вельветового пиджака торчала чёрная футболка, синие джинсы будто спорили с кричаще-белой кепкой. Он отряхнулся, махнул рукой водителю, и грузовик уехал. Прежде чем войти через парадный вход, мужчина не спеша обошёл вокруг гостиницы. Проходя через дворик, он задержался, оглядывая окна. Ровно настолько, чтоб заметить, как в одном из них появилась румяная девушка лет пятнадцати, чья ладная фигурка заманчиво очерчивалась через лёгонькое сатиновое платье бледно-персикового цвета.

Анна знала, что Виктор давно уже занял свой наблюдательный пункт. Его клетчатая рубашка предательски виднелась через листву, но девушка ни разу не показала, что его секрет раскрыт. Ему нравилось смотреть на неё, а ей не хотелось разочаровывать влюблённого хулигана. Он с самой весны под вечер всегда приносил ей белые гортензии, кроме того дня, когда разбушевался ураган. Неуклюже протягивал и сидел рядом, глядя на неё во все глаза, пока она развешивала постиранное постельное бельё. Потом она возвращалась в гостиницу, а спустя полчаса заходила в свою комнату, где переодевалась в уличное платье, повернувшись спиной к за-

бывавшему, как дышать, Виктору.

Этот-то момент и уловил человек в белой кепке. Он стоял и, облизнув вмиг пересохшие тонкие губы, пристально смотрел на обнажённые девичьи плечи. А полутора метрами выше на него угрюмо взирал сердитый подросток, одновременно размышляя, отчего у того хмыря сзади так странно топорщится пиджак.

Дом, где располагалась гостиница, был старый. Нижний этаж его состоял из холла со столом регистрации постояльцев, за которым обычно сидел сам хозяин заведения, и двух длинных коридоров, из концов которых шли лестницы наверх. Слева располагались жилые комнаты, справа – подсобные помещения. Мужчина вежливо поздоровался, снял на ночь комнату на втором этаже и стал спрашивать, где можно поесть. Выяснилось, что в правом крыле первого этажа можно поужинать солянкой и яичницей с овощами. Уже через четверть часа, управившись с нехитрой снедью, он неспешно потягивал холодное пиво в невзрачной столовой: белёные стены, трещины по потолку, разбегающиеся в прихотливом узоре, клеёнка на столах и скамейки возле.

Горела хрустальная люстра, пахло мылом и пережаренным подсолнечным маслом. Других постояльцев в столовой не наблюдалось. За стойкой грузная женщина в белом халате энергично протирала вымытую посуду, напевая под нос какой-то популярный мотив. Мужчина достал из кармана пи-

джака сигареты, затянулся и слушал задумчиво. Та цыпа, которую он видел в окне, деловито вбежала, чтоб из длинной булки соорудить закрытый бутерброд. Он засмотрелся на её стройные ноги с тоненькими голубыми жилками на коленных сгибах, и пепел с сигареты упал прямо в кружку с пивом.

Закончив с делами, Анна сделала Виктору большой бутерброд, так как знала, что тот, как правило, голоден с утра. Это уже стало неким ритуалом. Он приносил ей цветы, а она ему – еду. Пока Виктор ел, она обычно поливала клумбу с ужасно вредными пионами, которые никак не желали цвести и просто торчали зелёными кустами. Покончив с бутербродом и клумбой, они обычно отправлялись на прогулку вдоль речки, где Виктор всякий раз удивлял её – то умением «печь блины», левой рукой добрасывая плоский камушек до противоположного берега, то знанием, где можно найти птичье гнездо и посмотреть на птенцов. Малоразговорчивый, он был, в то же время, удивительно чутким и внимательным кавалером. Всегда тактичным и порядочным. Всякий раз, когда ему удавалось привести Анну чем-нибудь в восторг, он восхищённо смотрел на неё, словно делая снимок на память. А сегодня он, заявив, что приготовил подарок, увел её далеко на другой берег речушки. Получасовое путешествие через старый лог и ольшаник – и он показал ей еле заметный выход породы из скалы. Осыпавшийся камень там и тут блестел бледно-фиолетовой росой в закатном огне. Виктор до-

стал из левого кармана джинсов отвёртку и расковырял одну из щелей. Вскоре он положил на ладонь Анны небольшой аметист, спрятал отвёртку и уселся рядом. Девушка подняла ладонь и посмотрела сквозь кристалл на мгновенно ставшее сиреневым солнце. Тут можно найти целую жилу кварца и заработать много денег, а Виктора, похоже, волновала только реакция Анны. Это было так чудесно – значить для этого милого мальчика с янтарными глазами больше, чем весь белый свет! Анна наклонилась, протянула руку и коснулась его жёстких коротких волос. Виктор вздрогнул и прикрыл глаза. Обвив шею юноши руками, Анна мягко поцеловала его в губы. Тот кончиками пальцев осторожно дотронулся до её руки, и они замерли, очарованные моментом, пока солнце мчалось за горизонт.

Вернувшись в свою комнату, Анна отворила окно и, высушившись наполовину, всей грудью вдохнула сияющего лунного счастья с ароматом акации. Хорошо слышно было, как шумели листья старого тополя, как стрекотал сверчок где-то снаружи, как мурлыкал сытый кот, вышедший на ночную прогулку. Некогда привычный, шум речки теперь завораживал, а луна, казалось, занимала полнеба и звала мечтать, мечтать, мечтать...

Девушка задумчиво отошла от окна, положила на стол аметист и зарылась лицом в подаренные гортензии. Медовый их аромат опьянял, умножая обаяние этой необычной

ночи. Один из цветков походил на вспорхнувшего мотылька, и Анна осторожно поцеловала его. Затем она откинула покрывало с кровати, поправила подушку и легла, соскальзывая в объятия крепкого девичьего сна.

Виктор снова находился на своём наблюдательном посту. Сердце бешено стучало, он всё ещё ощущал вкус её губ. Он видел, как Анна выглядывала из окошка, и даже затаивал дыхание, чтоб она не догадалась о его присутствии. Теперь парень чувствовал, что она спит, и лежал, глядя на редкие звёзды. Домой торопиться не стоило, так как мать наверняка принимала очередного гостя и появлению сына вряд ли обрадовалась бы. Да и запаху ненавистного винного перегара гораздо предпочтительней благоухание летней ночи. Можно было, конечно, подловить собутыльника матери в тёмном углу, когда он пойдёт к себе домой, чтобы облегчить его карманы, но сегодня приключений не хотелось. Только бы лежать тут, неподалёку от милой спящей Анны. Лежать и мечтать. Но не о будущем, которое вряд ли есть у них – безотцовщины-шалопаи и красавицы из богатой семьи. Мечтать всего лишь о том, что вот сейчас она увидит дурной сон, проснётся и назовёт его имя. Негромко. Но он услышит. Услышит и скатится вниз с дерева, бесшумно подцепит вон тем прутиком крючок на наличниках и перемахнёт через подоконник кухни. Затем по коридору до лестницы, вверх, третья дверь слева. Он войдёт и будет всю ночь сидеть у двери, охраняя

покой своей любимой.

Постоялец ждал. Он сидел и слушал, как стучат по коридору туфельки той симпатяги. Слушал, как она открывает дверь и входит внутрь. Слушал лёгкий удар крючка о петлю. Крючок, а не замок. Как же это удачно! А потом слушал собственное дыхание, отсчитывая время, необходимое для того, чтоб она уснула. Вышел в коридор, подкрался к двери, прислушался к тишине, затем достал из кармана сложенный вдвое лист бумаги и вставил в щель между дверью и косяком. Осторожно приподнял им дверной крючок и вошёл в комнату. Девчонка лежала на кровати, одетая в полупрозрачную ночную рубашку: лунный свет слегка озарял её нежное лицо. Незваный гость аккуратно притворил за собой дверь и снова накинул крючок. Никто не помешает. И он приготовил кляп – чтоб никто ничего не услышал. Потом наведается к тому козлу, из-за которого сел на пять долгих лет. И тот ответит сполна! А утром его в этом мерзком городишке уже не будет. Товарняк увезёт его уже в половине шестого. Но всё это чуть позже. А сейчас – она. Чувствовался её запах – такой волнующий. Аромат нежной юности. Два осторожных шага вперёд – но вот под ногой предательски скрипнула доска пола. Девушка непроизвольно мотнула головой и открыла глаза.

Анна смотрела на незнакомого мужчину, непонятно как оказавшегося в её комнате, и чувствовала животный страх. Его вытянутое лицо с водянистыми, ничего не выражающи-

ми глазами словно парализовало волю, не позволяя позвать на помощь. Он подскочил и навалился на неё своим телом, а его шершавые пальцы торопливо пытались поймать её обнажившиеся колени. Девушка закричала, но крик тут же захлебнулся, когда потная ладонь, воняющая луком и табачным дымом, зажала ей рот. Отчаянно мотая головой, она рвалась и пыталась вскочить с кровати. Другая рука насильника змеёй скользнула под её одежду. Не помня себя от отращения и ужаса, жертва попыталась оттолкнуть нападавшего пинком в живот, но тщетно. А в следующий момент в её глазах вспыхнули мириады красных звёзд, и она потеряла сознание, ударившись затылком о край кровати.

Дрожа от волнения, бывший заключённый разорвал на девушке ночную рубашку, но в ту же минуту в комнату, молниеносно сорвав дверной крючок с петельки, ворвался бледный худой паренёк с тонким шрамом на правой щеке. Вскочив на ноги, мужчина выхватил из самодельной кобуры за спиной армейский пистолет и нацелил его в живот неожиданному нарушителю трепетного момента. Мгновение – и предохранитель сухо щёлкнул, переводя оружие на стрельбу короткой очередью. Увидев Анну, лежащую на кровати без сознания, Виктор, еле справившись с внезапным головокружением, яростно выхватил из кармана заточенную отвёртку и бросился на врага. Три пули без труда пробили его тело насквозь, чудом не задев позвоночный столб. Это дало Виктору возможность нанести насильнику резкий удар в правый

бок и дернуть рукоятку на себя, разрывая тому печень. А потом он завалился на спину и умер, глядя на бесчувственно свисающую с постели руку своей возлюбленной и уже не слыша испуганных голосов в коридоре.

Пять месяцев жизни

Пробуждение из небытия наступало долго и неясно. Чувства ещё не появились, только смутное осознание своего «я». Был Свет. Совсем рядом. Он нежно ласкал юную, только что созданную душу, удивлённую собственным существованием. От Него исходила любовь, согревая крохотное, размером почти в одну клеточку, тельце, питая жизнью, окружая заботой и наполняя необъяснимой радостью и спокойствием...

Юное существо училось управлять обрётённым сознанием, которое работало пока что только на восприятие, давая возможность впитывать происходящее, как губка впитывает воду. Ощущалось присутствие Бога. Дав жизнь, Он поддерживал её, наполнял смыслом и дарил Самого Себя. Время вытеснялось вечностью, прерываемой частыми снами. Они давали отдых от ярких впечатлений, несли что-то необъяснимое, сладостное. Была лёгкость, которую ощущают лишь птицы небесные, скользящие в струях летнего ветра...

Вскоре ощущение полёта стало незаметно проходить. Изодня в день становилось всё тяжелее, сны менялись, чувство

вечности ускользало: наступало Время. Хотелось удержать уходящие впечатления, вернуть в прежнем объёме, но оказалось, что это невозможно. Росло тело. Рост притуплял чувства и несколько изменял способы познания окружающего. Становилось как-то неловко и тесно, но с течением времени вчерашние ощущения улетучивались из крошечной памяти, живущей только настоящим. Во снах появлялись цветочные гаммы, обрисовывались смутные контуры внешнего мира...

С каждым днём Божье создание обретало всё больше уверенности, что его тело является чьей-то маленькой частицей. Кто-то питал его и заботился о его безопасности.

Кто-то шепнул ему новое слово: «мама». Оно породило в душе новое чувство, которое стало нарастать и скоро захлестнуло сознание сладостным волнением, чувство, укрепившееся навсегда – нежнейшая любовь к той, что называлась мамой...

Человек! Он был человеком, притом мужского пола. Мальчик. Правда, тело ещё не сформировалось, ведь ему исполнилось ещё только семь недель со дня пробуждения к жизни, но пол был уже определён уникальным набором генов, как и многое другое, например, цвет глаз, голос, характер. Он будет любить петь, у него будет сочный баритон и тонкий музыкальный слух.

Сны обретали всё более чёткие контуры, несли всё больше

информации...

Интересно, знает ли мама о моём существовании? Ведь я – внутри, и она не может видеть меня. Но она должна чувствовать мою любовь. Да и вес мой растёт, и потребности в пище увеличиваются. Из снов я теперь знаю, что есть небо, облака, солнце и деревья, и хочу увидеть всё это собственными глазами. Но больше всего мне не терпится увидеть маму. Я знаю, что она самая красивая и добрая. Скорей бы наступил день моего рождения! Он должен быть весной – через шесть месяцев.

Весна. Какая она?..

Малышу снился чудный сон. Он с мамой был в зоопарке, но звери не сидели в клетках, а свободно гуляли по украшенной сочной травой территории. Жирафы подозрительно обнюхали их и, покрывшись от нетерпения разноцветными пятнами, стали ожидать угощения. Мартышки же от бананов отказались и, смешно кривляясь, умчались донимать старого бегемота, мирно дремавшего в луже, заросшей тиной. Мальчик хотел было поиграть с кудлатыми медвежатами, что шумно возились, отбирая друг у друга банановую кожуру и кусаясь, но внезапно пошёл сильный холодный ливень, и мама, подхватив сынишку на руки, поспешила укрыть его под навесом...

Сон прервало появление Ангела. Малыш видел Ангела впервые, но он ему очень понравился. От него исходили свет

и любовь. Внезапно всё тело пронзила жгучая красная боль. Во сне мальчик не заметил, как к нему подобрался острый инструмент. От него пахло смертью. Ножницы стали методично отсекал крохотные ручки и ножки, заставляя ротик малыша открываться в беззвучном крике.

Мама, мамочка, беги отсюда, спаси меня, мама!

Хищно изогнув свой клюв, приблизился крючок Брауна к головке малыша и отделил её от четвертованного туловища. Маленькое тельце ещё раз судорожно дёрнулось и затихло...

С ужасными воплями налетели было полчища бесов, почувывших смерть некрещёного младенца, но Ангел отогнал их властным движением руки. Он взял трепещущую от страха пятимесячную душу и, нежно прижав к груди, начал своё восхождение к Богу.

Малыш же, прильнув к любящему сердцу Ангела, думал о маме...

Ангел-хранитель

День стоял превосходный! Даром что, согласно календарю, лето кончилось. Солнце старалось вовсю, заливая в класс русского и литературы через распахнутые окна горячее золото. Ужасно повезло, что по алгебре меня не спросили! Попробовал бы кто постоять у доски, когда маленькая, но очень злая математичка кричит, что ты идиот, а для убедительности лупит указкой по парте! Забываешь даже таблицу Пифагора! Что касается биологии, так мы давно придумали лов-

кую схему: перед уроком несколько человек сидят и усиленно читают. Но не всю тему, а каждый свой параграф. И вызываются добровольцами отвечать. Замороченная биологичка ужасно довольна своими передовыми методами преподавания, да и нам хорошо.

На инязе вместо порядком надоевших уже временных форм снова слушали «Битлз» и пели хором песню про вчерашний день, готовясь к выпускному. И это в начале учебного года! Подозреваю, что пожилая англичанка просто филонила. Было ещё «окно» – на физру я мог не ходить, так как почки мои болтались чуть ниже того, где следовало. Поэтому я просто потолкался в живом уголке и подсыпал рыбкам в аквариум щепотку специально припасённого стирального порошка. Рыбки бодро подкрепились, но умирать почему-то не стали.

Урок физики прошёл как всегда интересно. Ирина Александровна – женщина замечательная, но рассеянная, чем мы с Пашей вполне успешно пользовались. Мы сидели вместе и прикалывались на каждом уроке. Ну, кроме алгебры с геометрией, само собой. Иногда Паша просто ложился на парту, краснел и дёргался в конвульсиях, силясь не заржать как конь. Мы могли смеяться, даже просто переглянувшись. С физикой отношения у нас были натянутые, но учительница почему-то гордилась нами и даже считала хорошими теоретиками. Во время опросов мы наловчились отвечать ничего не значащими фразами. Выглядело это приблизительно так:

– Костецкий, скажи нам, пожалуйста, что такое дифракция света?

– Ну, Ирина Александровна, ну это же элементарно... – разводил он руками.

– Дифракция света – это...

– Явление...

– Которое наблюдается при распространении света...

– Ну да!

– В среде с резкими неоднородностями.

– Резкими (многозначительный кивок).

– Что при этом происходит?

– Как это, что? (возмущённое выражение лица).

– Происходит нарушение прямолинейности его распространения. Так?

– Конечно, Ирина Александровна, да это все знают! (большие удивлённые глаза, выражающие недоумение по поводу существования вероятных неучей в классе).

– Хорошо, Павлик, четыре.

И Паша – её любимчик, высокий блондин, похожий на Дэвида Боуи, сидел с небрежным видом гения. Все уже давно привыкли к нашим выходкам и иногда спорили: смогут ли Пашка с Мишкой обойтись вовсе без слов? Однажды Паше и вправду удалось обойтись одними лишь междометиями, жестами и многозначительными взглядами. Но сегодня его рекорд побил я!

Худенькая учительница неловко расчертила на доске таб-

лицу, которую заполняла с нашей помощью. В руках она держала журнал, приводящий всех в трепет. Паша с самого начала урока полулежал на парте, всем своим видом демонстрируя ужасное самочувствие. На испуганный вопрос он, еле ворочая языком, сказал, что у него, как обычно, подскочило давление. Нет, домой он не пойдёт, хочет послушать урок. Да, глаза почти не видят ничего, но слух работает. Нет, медпункт закрыт. Да, таблетку выпил, но что-то не помогает. В общем, отвертелся. Опрос продолжался, поблажек физичка на этот раз не давала. Тройку получил даже Лёха Чупин – лучший физик в классе, у которого не списывала только сама учительница. И тут очередь дошла до меня. Как раз тогда, когда я уже почти дорисовал на спор барашка. По-моему, даже девчонки в тот момент затаили дыхание.

– Фролов. Следующая колонка. Поляризация света.

Я встал, досадливо оглядел нарисованный мной прямо на парте закрытый ящик с одной дыркой, после чего почесал затылок и спросил, нахмутив брови в мучительной попытке вспомнить что-то важное:

– Ирина Александровна, а я вот не совсем понял про интерференцию вторичных волн, – мой голос выражал смущение и некоторую растерянность. Кстати, а может, мне в Щукинское пойти после школы? Ну его, этот медуниверситет!

– Как? А что конкретно тебе непонятно, Мишенька? – физичка сняла большие круглые очки, и её лицо потеряло напускную строгость.

– Вы уж простите, Ирина Александровна, да вот – дополнение Френелем принципа Гюйгенса...

– Чего? – раздался сзади недоверчивый Лёхин голос.

Следующие десять минут физичка, позабыв обо всём на свете, в подробностях рассказывала мне про принцип Гюйгенса-Френеля и всякие там когерентные колебания, которые интерферируют, или типа того. Всё это время класс пребывал в немом восторге. Выслушав лекцию с умным видом, то кивая в знак согласия, то делая недоумённые жесты, я сердечно поблагодарил учительницу и... сел на место. Опять четвёрка.

Литература, последний урок на сегодняшний день, проходила вполне предсказуемо, и я от всей души досадил аристократичной учительнице, заявив на опросе, что у Есенина знаю наизусть «Белую берёзу», ту, что под окном. На раздражённое замечание, что этот стих относится к программе второго класса, я с наслаждением заявил:

– Вера Константиновна, но ведь Вы, когда задавали Есенина, не конкретизировали. Так что, к уроку я готов.

На волне всеобщего одобрения, довольный собой, я вышел с Пашей из здания школы. У крыльца жарились на солнце восьмиклассники, рассматривая пневматический пистолет в руках своего заводилы – Жеки Елагина. Пистолет был точной копией «пустынного орла», с которым в американских боевиках разгуливает каждый уважающий себя положительный герой, когда наступает время сурово покарать ге-

роев отрицательных. Не успел я позавидовать счастливому обладателю недешёвой заморской игрушки, как она тут же оказалась в широкой ладони моего приятеля.

– Э, Пахан, что за дела? – возмутился было Елагин.

– Не бойся, человек! Мир будет в безопасности! – торжественно провозгласил Паша, с размаху опустив другую ладонь восьмикласснику на плечо и, кажется, слегка отбив его. – А ну, рассказывай, как тут чего работает, и ничего тебе за это не будет!

Авторитета среди восьмиклассников у меня было немного, зато у Паши – с избытком. Только поэтому потрясающе красивый пистолет перешёл на время ко мне. К неудовольствию Жеки, разумеется, которое он не преминул выразить вслух. «Орёл» приятной тяжестью влился в мою руку. Бравируя перед сопляками, я прицелился поверх их голов в сторону школы, держа пистолет не прямо, а боком, оттопырив локоть, словно чернокожий гангстер. Как я нажал на спусковой крючок, непонятно до сих пор. Паша утверждает, что меня нечаянно толкнули, а Елагин и его прихлебалы ограничились обидным комментарием: «Овца есть овца». Так или иначе, реальный факт в том, что пистолет выстрелил, когда находился в моей руке. А пулька – металлический шарик – попала в шестиклассника, так не вовремя выбежавшего из школы.

Попала ему прямо в глаз.

На фоне всеобщего галдежа и без того негромкий звук

выстрела не услышал никто. Пистолет был тут же кем-то вырван из моей ладони и унесён подальше. Чтоб избежать неприятностей, восьмиклассники потом говорили, что ничего подозрительного не видели. Милиция решила, что стрелял кто-то издалека из винтовки. Возможно, из окна дома напротив или из проезжающего автомобиля. Паша меня не сдал по дружеским соображениям. А сам я просто испугался. Раненый мальчишка ведь завопил тонким голосом, словно заяц. Завопил и сел прямо на асфальт, зажимая глаз ладонью. От боли он сучил ногами, а из-под ладони вытекала струйка крови. Моя голова закружилась, а крик мальчишки словно пронзил меня насквозь. Засвербило где-то в районе живота. Захотелось в туалет. Паша тянул меня в сторону, но я не мог двинуться с места и всё стоял и смотрел, смотрел...

Всю ночь я не мог уснуть и боялся, что вот-вот зазвонит дверной звонок, а на пороге появится участковый. Я придумывал легенды одна правдоподобнее другой, чтоб меня не призвали к ответу. А на следующий день я увидел отца этого шестиклассника в школе. Высокий бледный мужчина выходил из кабинета директрисы. Конечно, кто угодно мог выходить оттуда, но я как-то с первого взгляда понял, что такие, полные боли глаза могут быть только у отца. У папы. Я встретился с ним взглядом, и внутри полыхнуло одновременно огнём и морозом. Он смотрел в мою сторону всего лишь полсекунды и потом перевёл взгляд дальше, а для меня время как будто остановилось в тот момент. Совершенно яс-

но я почувствовал, что это моему ребёнку выстрелили в глаз. Моему. Тому, которого я носил на руках. Тому, который не давал мне спать по ночам. Тому, чьим успехам я радовался больше, чем своим. И я понял, глядя в глаза этого человека, что он, не задумываясь, будет рад отдать свою жизнь, лишь бы его сыну никогда не было больно и страшно.

Недели три я не видел мальчишку в школе. Я посещал занятия, огрызался с дерзкими восьмиклассниками, придумывал новые хохмы с Пашей, но какая-то часть меня всё время отсутствовала. Когда я, наконец, его увидел, он шёл с какой-то симпатичной рыжей девчушкой, видимо, одноклассницей, и весело смеялся. Его левый глаз не закрывала чёрная повязка, как я ожидал. Я прислонился к стене, не очень хорошо сдерживая счастливую улыбку. Но когда они проходили мимо, вдруг увидел, что у него белок вокруг радужки налит кровью, а сам зрачок мутный и неестественно расширен. Они прошли мимо, а у меня губы словно примёрзли к лицу. Со странной гримасой я вышел из школы, завернул за угол и остановился. Внутри было неопределённое гадкое чувство. Себя я не ненавидел. Вряд ли я на это способен. Сердце билось, на глаза наворачивались слёзы, я их всячески сдерживал. Ещё чего не хватало! Пальцы почему-то дрожали. Прозвенел звонок, и я отправился на литературу.

Опоздав на целых пять минут, я, не моргнув глазом, твёрдым голосом сообщил, что задержался в туалете из-за расстройства кишечника и матерных стихов, написанных на

стене. Стихи оказались подписаны почему-то Владимиром Маяковским, но я, конечно же, в это не верю. Ну не мог же известный пролетарский поэт сочинить такое! Ясно дело – оболгали завистники. Что? Сегодня урок как раз посвящён Маяковскому? Не может быть! Какое совпадение! А я вот как раз недавно ознакомился с его наследием...

В течение следующих пяти минут я отказывал Маяковскому в праве быть великим поэтом, критикуя его манеру стихосложения. Особенно изощрённо я поглумился над рифмами «люди – верблюдик, в лоне – слоник». А напоследок рассказал про него несколько неприглядных историй с участием Есенина. Как и всегда, весь класс был в восторге от моей шутки. А я просто заранее выяснил, что Маяковский – её кумир, потому и затеял всё это представление. Вот только она и виду не подала, что я задел её чувства. А мне так и не полегчало, хоть я и выплеснул на неё всю ту бурю, что бушевала у меня внутри.

Я продолжал жить жизнью, полной весёлых затей, планов, надежд. А за тем мальчишкой начал приглядывать. Как если бы я был... ну, его ангелом-хранителем, что ли. Просто немного изменил свои маршруты следования по школьным коридорам. Вот он играет с одноклассниками в «сифу» тряпкой. Вот он косолапо бежит, опаздывая на урок. Вот он идёт с той самой рыжеволосой девчонкой, несёт её сумку с учебниками.

Сегодня Паша с Виталькой Скибой и Лёхой Чупиным взя-

ли у молодой химички ключ от класса, чтобы после уроков распить бутылку венгерского красного, заверив её, что они за собой всё приберут. К вину я относился равнодушно, а потому не остался с ними зависать, и пошёл домой одиноким маршрутом – через школьный стадион. Впереди гопники зажали кого-то у забора – обычное дело. Автоматически я изменил направление в безопасную сторону. Не заметили – и слава Богу!

– Ты чё, одноглазый, обурел? Дай сюда! – после этих слов послышался глухой удар и сдавленный стон. Я резко обернулся, ноги стали ватными. Так и есть! Они поймали моего подопечного и теперь били, пытаюсь сорвать с его руки наручные часы. Драться я совсем не любил, противников было двое, оба моего возраста, в гадких кепках, спортивных трико и остроносых ботинках. Как будто вышли из плохого кино.

Очень хотелось убежать, но вместо этого я, пересиливая себя, сорвал с плеча увесистую сумку с учебниками и побежал к месту действия. На бегу раскрутил сумку и швырнул её в затылок одного из них. Тот стукнулся лицом о металлические прутья забора. Второй, не отпуская руку своей жертвы, обернулся и поймал подбородком прямой удар моей левой. Удар был несильный, но резкий, ошеломляющий. Следом уже летел удар правой. Тоже прямой, но мощный. Попади мой кулак точно в центр подбородка, был бы нокаут. Прямо как в боксе. Я эти два единственных удара тренировал дома ежедневно с лёгкими гантелями в руках. Довел до

полного автоматизма, вдохновлённый словами Брюса Ли: «Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов. Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз».

Противник упал на спину и, обескураженный, подниматься не спешил. Второй понял, что напал на них всего лишь один я, и, разозлённый ударом сумки по голове, пнул меня в живот. Удар пришёлся вскользь и сильной боли не причинил. Пуловер, правда, испачкал. Времени у меня было мало, первый уже начинал вставать, и я подхватил с земли какой-то кирпич. Не особо соображая, швырнул его в гада, который меня пнул, и попал ему прямо в грудь. А того, который уже поднимался с земли, начал беспорядочно топтать обеими ногами. Больно ушибленный кирпичом, гопник с испугу обратился в бегство, даже не пытаясь спасти своего подельника.

– Уйди, уйди от меня! А-а-а! – заорал лежащий на земле, решив, что пришла его смерть.

– Убью! – безумным голосом заорал я, решив ему подыграть, подскочил к жёлтому тополи и стал отламывать большую ветку, громко перечисляя страшные казни и якобы собираясь их сейчас совершить. Как я и планировал, дожидаться он не стал и рванул через футбольное поле, ни разу не оглянувшись.

Меня колотило. Сердце пыталось выскочить через горло, а в висках стучал отбойный молоток. К почкам как будто кто-то привязал верёвки и теперь тянул за них вниз. Я на-

клонился вперёд, уперев ладони чуть выше колен, и посмотрел на мальчишку. Он был растрёпан и очень напуган. Похоже, он думал, что я ничем не отличаюсь от его обидчиков. Я ободряюще кивнул ему, как мне показалось, и, немного отдышавшись, выдавил:

– Я в одиннадцатом «А» учусь. Что эти уроды хотели от тебя?

– Мои часы, – он облегчённо вытянул вперёд худую руку, на запястье красовался белый циферблат без цифр, с золотыми стрелками, – мне их папа подарил.

– Знаешь, часы отличные, но у тебя их могут отобрать. Ты их в школу не носил бы.

Мальчик отрицательно помотал лохматой головой.

– Нет! Я их буду носить. Это же папин подарок.

– Ну, эдак тебе телохранитель потребуется. Вон, видал что? Гопота, нарки...

Мальчик насуплено смотрел в землю, сжав губы.

– Ладно, проехали. Как тебя зовут?

– Фёдор. Федя.

– Ну а я – Михаил. Миша, – улыбнулся я. – Пошли, дядя Фёдор, домой, а то, мало ли, вернутся ещё с толпой.

Мы шли по жёлто-красным улицам, и он всю дорогу рассказывал мне о себе. Я узнал, что он любит слушать «Депеш мод» и «Технологию», что его любимый мультфильм – «Остров сокровищ», а у папы есть мотоцикл с коляской, работает папа на заводе, а летом они летали на Чёрное море, где он

своими глазами видел дельфинов. Он болтал без умолку. Я многое узнал о его отце. А вот мой вопрос о матери вызвал долгую паузу.

– Мама умерла. Два года назад. Её автобус сбил.

Ёлки-палки! Почему именно сирота? Остаться без мамы в четвёртом классе... Мне было бы очень тяжело на его месте. Вот ведь... Какое-то время мы шли молча, потому что я не знал, что говорят в таких случаях. Лицо моё горело. Но Федя снова нарушил тишину рассказом о том, как он стрелял из мелкокалиберной винтовки с оптическим прицелом по мишеням в тире, и что у него дома есть целых пять настоящих патронов со свинцовыми пулями.

Я довёл его до дома, и мы договорились, что завтра я зайду за ним перед школой. Теперь, на обратном пути, я думал о том, что стану для Феде другом. Познакомлюсь с его замечательным папой, буду ходить к ним в гости. Стану для него телохранителем и порву на куски любого, кто его тронет. Возможно, этим искуплю свою вину перед ним и его родителями. Я шёл и улыбался своим мыслям, когда увидел, как высокий худой наркоман неопределённого возраста уводит с улицы за гаражи мальчишку чуть младше Феде, обняв его за шею, как лучшего друга. Мальчишка счастливым во все не выглядел и жалобно озирался, боясь позвать на помощь. За ними, оглядываясь по сторонам, шли ещё две сутулые фигуры в дерматиновых куртках не по погоде.

Я вспомнил, как пару лет назад меня завёл в подъезд тря-

сущийся от ломки наркоман, и, приставив нож к горлу, долго тарасился на мои вывернутые пустые карманы, соображая, что делать дальше. Тогда я смотрел в злые пустые глаза, понимая, что моя жизнь зависит от решения этого человека. Почему-то он меня не убил. Родителям о том случае я говорить не стал. Теперь ситуация повторялась. Только я не знал, вооружены ли эти трое. А у паренька тоже есть родители, чьи сердца наверняка разорвутся, если что-то плохое случится с их сыном. С другой стороны, если меня сейчас убьют, что вполне возможно, с ума сойдут мои. Чьё горе будет тяжелее? Чьи слёзы важнее для меня?

Стоп! Нет, неправильно, не так! Чья жизнь сейчас важнее? Моя или этого напуганного мальчишки? Ненавидя себя за потраченные на колебания драгоценные секунды, я выломал из клумбы кусок кирпича и повернул за гаражи навстречу... не знаю, чему. Жизни или смерти. Да неважно, лишь бы успеть вовремя.

Семинарист

Матушка Лидия Бородина была младше своего мужа на два года. Познакомились они случайно, как сказал бы неверующий. Но для Лиды давно уже не существовало случайностей.

Отмечали последний звонок. После официальной части в управлении культуры решили пойти в городской сад – на аттракционы. Все были нарядно одеты: некоторые девочки

красовались в настоящей школьной форме, с белыми бантами, другие просто оделись по принципу «белый верх, чёрный низ», парни носили пиджачные пары с галстуками. Весёлой гурьбой спускаясь по Советской, громко распевая то «Катюшу», то «Взвейтесь кострами», одиннадцатиклассники не могли не вызывать весёлых улыбок прохожих.

– Какие красивые! – растрогалась одна старушка.

– Красивые, красивые, а вот подрастут, так натворят делов! Тоже мне! – фыркнула её соседка, отворачиваясь.

Когда ребятам надоело распевать старые песни, они перешли на современные хиты:

– Забирай меня скорей, увози за сто морей! – разносилось по улице.

Когда они, наконец, достигли горсада, многие уже охрипли от шлагеров. Некоторые ребята куда-то делись по дороге. Вроде бы у Паши Костецкого намечался какой-то междусобойчик для особо посвящённых. Остальные мальчишки по дороге набрали импортного баночного пива и теперь бесились на каруселях в ещё более весёлом настроении, чем раньше. Потом они стали катать девочек на автодроме, разбившись по парам. Неподалёку от автодрома, прислонившись к неработающему фонтану, стояли двое парней чуть постарше. Несмотря на жару, они были одеты в одинаковые чёрные кители со стоячими воротничками, белыми изнутри, судя по окантовкам. Ребята пили пиво, вероятно, не самой престижной марки, за что были вознаграждены беззлобны-

ми насмешками от Лёши и Витали:

– Бросайте пить кислятину, мужики!

– Э, пейте нормальное пиво, как мы с Лёхой!

Один из парней, светленький, с битловской стрижкой, приветственно помахал им свободной рукой:

– Не бойсь, всё равно с одной бочки разливали!

У него оказался довольно звучный баритон. Лида окончила хоровую школу с отличием и в голосах разбиралась очень даже неплохо. Она тут же окрестила его Хворостовским. Вторым был тёмненький, с короткой стрижкой. Узковатые глаза делали его похожим на китайца. Разве что кожа была обычная, светлая.

– Э, стой, так вам же нельзя пиво пить! – это вмешался Толик Жмак из параллельного класса. – Это же грех! Бог накажет!

Раздался дружный хохот. Те двое, однако, несколько не обиделись. Усмехнувшись, они продолжили свою беседу.

– А что такое, пацаны, в смысле? – спросил Юра, который всегда отставал от курса событий. – Не понял прикола.

– Да это же семинаристы, ну, семинария – ты что, не знаешь, что ли? – ответили ему.

– Попы, что ли?

– Да нет ещё. Учатся.

– А-а-а.

– Кто, семинаристы? – это уже девочки заинтересовались.

– Пошли, познакомимся, – прошипела Лариска Звягина.

– Да ты что, им же жениться нельзя, – возразила Наташка Неупокоева.

– Дура, это монахам нельзя.

– Так, мож, они монахи.

– Ага, и пиво пьют у всех на виду! Монахи с бородой, а у этих нету. У них ещё платья такие длинные должны быть.

– Блин, Волкова, пойдём скорей знакомиться, пока эти кикиморы нас не опередили! – зашептала в ухо Верка Могушкова.

Лида уже была настолько заинтригована тем, что ее Хворостовский учится в духовной семинарии на священника, что решила поступиться своим принципом не знакомиться первой. К тому же она была не одна. Да и с Веркой не страшно – та такая бойкая, что могла дыру на месте провертеть. Пожалуй, пора действовать – вон уже Лариса дергает Неупокоеву за рукав.

– Пошли, только разговор начинай сама.

Вера отмахнулась и решительно направилась в сторону семинаристов. Лида поспешила за ней.

– Привет, мальчишки! А это правда, что вам жениться нельзя? – Верка, похоже, подслушала разговор девчонок, и теперь использовала полученные знания прямо на ходу. Чёрненький смутился:

– Да нет, ну почему? Мы, это...

Хворостовский положил ему руку на плечо, останавливая. И добавил с серьёзным видом:

– Нет, жениться-то нам можно, а вот замуж выходить – ну никак нельзя!

Лида, не выдержав, прыснула от смеха. Похоже, они ещё и шутить умеют. Разговор завязался легко. Выяснилось, что Хворостовского зовут Павлом, а «китайца» – Ильёй.

– Он японский самурай, – поделился секретом Павел, заговорщицки подмигивая. Лида была уверена, что он подмигнул именно ей, а не Верке.

– Сам ты самурай! Не слушайте его, девчонки. Он самый настоящий наркоман. Обкурился камыша, в башке ни шиша. У меня дед кореец.

– Кто-кто? Индеец? – развеселился Павел. – Нет, ну где правда? Индейский шаман в городе, куда смотрит миграционная служба? Дай бубен, Косой Глаз!

– Только в бубен могу!

Тут их внимание привлекли крики. Пока они разговаривали, к автодрому подошли восемь мальчишек не из их школы. Они уже успели отбиться от своих одноклассниц и, судя по поведению, тоже были навеселе. Но, похоже, пивом дело не обошлось. Видимо, они не поделили с Максимом Голуновым скамейку.

– Ты чё, не понял, ботаник? Место жёстче освободил! – кричали они.

Максим все девять лет учился вместе с ними, но после перевёлся к «бэшкам», им дали гуманитарный уклон. «Вэшки» стали физико-математиками. А прежний класс был хими-

ко-биологический. К ним прибыло несколько человек, кое-кто ушёл. В одиннадцатом Голунов снова вернулся туда, с «бэшками» не сложились отношения. Максим являл собой типичный образец «ботаника» – нескладный отличник в неизменных очках. Он был высокого роста, худой и довольно слабый. На физкультуре Максим только злил физрука – маленького плотного дядьку с красным лицом и алкоголическими прожилками на носу. Однако, несмотря на физическую слабость, трусом Максима никто не мог назвать. В начальных классах его часто били, но никогда не добивались слёз и просьб о пощаде. Вырос Максим колючим и неуступчивым.

Вот и сейчас он не желал встать со скамейки просто потому, что на ней захотели посидеть новоприбывшие пацаны. Те, разгорячённые таким неповиновением, а также выпитой баночной водкой, стали его оскорблять и стаскивать силой.

– Я тут сижу раньше вас, почему я должен слезть? – упирался Максим, оглядываясь на своих одноклассников, но те скромно молчали, предпочитая не вмешиваться.

Ободрённые таким поворотом событий, задиры удвоили усилия, схватив его за шкуру. Максим закашлялся, но только крепче вцепился в скамейку. Тогда один из нападавших, самый низкорослый, разбежался и изо всех сил пнул Максима в грудь.

Лида пронзительно закричала. Перед её глазами поплыл туман. Максим медленно, как во сне, стал заваливаться вбок.

Там его встретило колено другого парня, разбив очки. Из его носа хлынула кровь. Упавшего тут же стали пинать.

– Твою ять! – выдохнул Павел, и, швырнув бутылку в сторону, кинулся к скамейке. Илья тут же бросился за ним.

Некоторые из нападавших озирались по сторонам и поэтому заметили движение в свою сторону. С разбега Павел пугнул одного, а атаковал совсем другого. Тот рухнул, как подкошенный, получив прямой удар в подбородок. Ещё один отправился следом, пропустив хук слева. Уже позднее, в травмпункте, он узнал, что заработал трещину в нижней челюсти. Подоспевший Илья уже воспользовался некоторым замешательством и сшиб с ног того парня, который по-ге-стаповски бил Максима коленом. Упав, тот получил хороший пинок в живот, отчего на полминуты потерял способность дышать. Потом Илье уже не везло так. В отличие от друга-боксёра, он специально никакими единоборствами не занимался. Да и опыта уличных драк не имел. Пропустив зуботычину, он замешкался и упал, потеряв сознание от удара бутылкой по голове.

Павел остался один против пятерых. Те быстро поняли, что соваться под кулак не стоит, и предприняли попытку его окружить. Этого Павел им не давал сделать. Каждый раз, когда полукольцо начинало смыкаться за его спиной, он бросался на крайнего. Тот отскакивал назад, размыкая цепь. Через минуту в ход пошли палки и камни. На испуганные крики девочек о помощи мальчишки никак не среагировали.

Павлу удалось увернуться от двух камней, но третий больно попал ему в грудь, а четвёртый разбил бровь над правым глазом, отчего в голове как-то нехорошо зазвенело. Кровь тут же залила глаз, и Павел едва не получил палкой по голове. Подставив левое предплечье, он резко подался всем корпусом вперёд, сломав нападавшему нос хлёстким ударом. Остальные, подскочив, повалили его на землю и стали добивать. Павел поспешил прижать колени к груди и закрыть голову руками. Прежде, чем потерять сознание, он успел почувствовать два крепких пинка в бок и один по уху.

Очнулся он, когда вокруг уже было полно омоновцев, заталкивающих в машину всех подряд. Один из них слегка хлопал Павла по щекам.

– Живой, вроде. Давай его тоже в скорую.

Дышать было больно, правый глаз не видел, тошнило, все тело болело, как будто его пинали ногами. Ах, да, его ведь и вправду пинали...

Лида с Верой сразу вызвались свидетелями. С ними в отделение милиции отправились еще Лена Жданюк и Оля Сникер – те из немногих, кто относился к Максиму хорошо. Они подробно все рассказали, расписались. Их мальчишек сразу же отпустили, как только выяснили, что те в драке участия не принимали. Максима, Павла и одного из нападавших увезли в больницу. Илья пришел в сознание ещё до приезда милиции, кости черепа у него оказались крепкие, но он не смог прийти на помощь другу – некоторое время ноги про-

сто отказывались его держать. Ещё двое отделались лёгким сотрясением мозга и синяками. Одному из нападавших – тому, кто ударил Максима ногой в грудь, удалось сбежать. Он первый заметил приближение милицейских машин и кинулся наутёк, через кусты – в сторону стадиона, пока его друзья были ещё увлечены расправой над Павлом. Те заметили омоновцев слишком поздно. Один из них сразу улёгся на траву, положив руки на голову. Хотя это и выглядело смешно, он всё же стал единственным, кто вообще никак не пострадал. Двум беглецам крепко досталось резиновыми дубинками – бегать омоновцы не любили.

Выяснив дома по телефону 03, какая больница дежурит, Лида на следующий день отправилась навестить Максима и своего героя.

Максим пребывал в ещё более скверном настроении, чем обычно. Он и так никого не любил, а тут и вовсе взелся на весь мир. У него были сломаны два ребра и переносица, из-за чего парень теперь имел сходство с очковым медведем – гипсовая повязка закрывала только нос и лоб, и чёрные круги вокруг глаз отчётливо виднелись. Весть о том, что за него заступились два семинариста, которым тоже досталось, Максим воспринял совершенно равнодушно.

– А я не просил ничьей помощи! Благодетели нашлись. Да они просто перед вами выделывались. Вот и получили. Такие же ничтожества, как и все остальные.

Лида ушла от него опечаленная.

– О, э-э-э, здравствуй, Лида! – произнёс ошеломлённый Павел, пытаюсь привстать на постели. Он покосился на спящего соседа (остальные койки пустовали). – Как там тот парень?

– Да всё нормально, жить будет, – ей очень не хотелось, чтобы Павел узнал, какая всё-таки свинья этот Голунов. – Как ты-то себя чувствуешь?

Вопрос оказался явно риторическим – вид у героя был тот ещё: левое ухо распухло, правый глаз заплыл, бровь, вся зелёная, защита, грудь перебинтована, руки – тоже.

– Да ничего страшного, просто койкоместо занимаю. Сильно напугалась тогда?

– Просто кошмар какой-то: сначала я испугалась, что они убьют Максима, потом они ударили Илью бутылкой, а потом напугалась за тебя, когда ты упал. Билетёрша позвонила в милицию. Слава Богу, что они приехали так быстро, обычно не дождёшься...

Лида осеклась и смутилась: Павел как-то странно на неё смотрел, задумчиво, словно не слышал.

– Сегодня приходил следователь. Организовывает мировую. Дескать, повреждения средней тяжести, встречные заявления, и всё такое. Илья приходил. Говорит, что в семинарии, когда узнали обо всём этом, решили нас отчислить. Мол, пьяная драка, привод в милицию, будущим священнослужителям не к лицу, и прочее. Илюха завтра домой едет,

а я – как выпишусь... А ты завтра придёшь?

Лида опешила:

– А как же так? Вы же защищали человека от пьяных хулиганов. Да его эти... уроды... запросто убить могли. Да вы ему жизнь спасли, разве не этому Христос учил? Я тоже Евангелие читала, помню, что там написано. Да как они могли?

Павел молчал, опустив глаза.

Немного помедлив, она добавила:

– А ты, значит, не здесь живёшь и скоро уедешь... А где, в каком городе? – не дожидаясь ответа, девушка вскочила со стула, на краешке которого сидела. Сосед по палате заворочался и начал сквозь зубы материться.

– Я завтра приду! – перебила она Павла, покраснев, и умчалась, забыв вручить больному пакет с апельсинами.

Целый вечер Лида была сама не своя. На вопросы отвечала невпопад, за ужином пыталась насыпать сахар в молочник. Родители, будучи уже в курсе событий, оценивали их каждый по-своему. Отец слегка подпил и всецело пребывал на стороне Паши и Ильи, считая, что мальчишки поступили достойно. Он даже поинтересовался Пашиным состоянием здоровья и дал денег на передачку.

– На, купи ему соку или ещё чего-нибудь. Хороший пацан, молодец. Привет ему от меня. Так и скажи, мол, батя передаёт привет. А я Осипова лично попрошу, чтобы отнесли к нему в больнице как надо. Мне не откажет. А как там этот ваш Головнов? У него, кажется, чисто случайно травматиче-

ский пневмоторакс не случился – дежурный говорил.

– Голунов...

Лида пересказала содержание разговора с Максимом. Отец поставил рюмку на место, помрачнел и издал досадливый звук. Скривился.

– Не Голунов он, а Го... – тут отец поймал строгий взгляд жены и осёкся.

– Гольюнов он – ваш Максим. Сказал бы, что мало ему дали, да вроде по полной отхватил, – он ещё хотел что-то добавить, но вместо этого хлопнул залпом рюмку финской водки, поставил её на скатерть и закусил солёным белым груздём.

Мама много не распространялась, но по её реакции Лида поняла, что большой разницы между теми хулиганами и семинаристами она не видела. К тому же молодые люди, поступившие в духовную семинарию, вызывали у неё большие подозрения. В храм она никогда не ходила, считая верующих как минимум, инопланетянами, а самих служителей Церкви – хитрыми аферистами. «Набивают брюхо себе за счёт дураков», – говорила она. А свекровку всегда осуждала за то, что та под старость лет не только стала ездить в Петропавловский собор молиться, но и Лиду таскала с собой. А сейчас мама сильно переживала из-за знакомства старшей дочери с этими людьми. Характер у Лиды был романтический, и теперь стоило бояться, что молодая девчонка влюбится в этого проходимца. Тем более что тот сейчас находился в положении пострадавшего героя.

Увидев, что Миля, младшая дочка, наелась и уже балуется с чаем, отпивая его, а потом выпуская обратно в чашку, мама отправила её умываться и повторять заданного в музыкальной школе «Сурка». Миля скорчила недовольную мину, но перечить матери не решилась. Уже выходя из-за стола, она тайком показала Лиде язык. Та либо не заметила, либо просто никак не отреагировала. Миля оскорбилась и, проходя мимо, наступила сестре на ногу. С тем же результатом.

Всю ночь Лида проворочалась в постели. Первую половину ночи её просто распирало от желания, как минимум, подпалить всю семинарию. Она уже представляла себе, как бородатые преподаватели в чёрных мантиях во главе с ректором (или кто там у них главный?) лезут в окна, спасаясь от огня. Внутри рос протест. Девушка никак не могла взять в толк, что человека, исполнившего Божью заповедь истинной любви, как раз за это Церковь и наказала. Лида вспомнила, как в детстве ходила с бабушкой (пока та не умерла) в воскресную школу. Там батюшка однажды пересказывал притчу о том, как на одного человека напали разбойники. Мимо прошёл священник, торопясь на службу: посмотрел и ничем не помог, а простой человек, который ни у кого не пользовался уважением и любовью, не только оказал ему первую помощь, но и потом в беде не оставил. Добрый самарянин. Да они там просто – вертеп разбойников! Будь её воля, всех бы поразогнала!

Оставшуюся часть ночи Лида прислушивалась к своим

чувствам. Да, так и есть. Она влюбилась в Пашу. Как горько, что он теперь уедет! Будь у неё Веркин темперамент, она легко заставила бы Пашу влюбиться в себя. Или сама могла признаться первой. Верку вообще трудно чем-либо смутить. Но Лида была стеснительной. И сейчас она кляла себя за это. В сказки о толпах прекрасных принцев, разъезжающих по горам и долам в поисках принцесс, она никогда не верила. Вокруг сплошь одни только самовлюблённые, никогда не взрослеющие дураки, крепко держащиеся за мамины юбки. Все нормальные парни давным-давно заняты более успешными девушками. Лида довольно часто влюблялась раньше, но очень быстро разочаровывалась в очередном избраннике. И теперь она долго ворочалась под покрывалом, мучая себя вопросом: а вдруг это тоже всего лишь глупая влюблённость? Уже под утро Лида решительно отказалась терзать себя вопросами.

– Всё ему сегодня скажу! – пробормотала она, засыпая. – Вот и узнаю, как он ко мне относится. А если это ошибка – ну и пусть катится в свой Белогорск... Белозёрск... Белорецк, или как он там...

Когда Лида проснулась, от прежней решительности не осталась и следа. Кое-как позавтракав, она отправилась на занятия. Было четыре урока и окно – на астрономию она могла не ходить, так как годовая оценка уже была выведена, экзаменационный реферат на тему: «Юпитер – планета или

квазизвезда?» был готов и заранее проверен, оставался сам экзамен, которого Лида совсем не боялась.

На физике Фролов с Костецким опять хихикали весь урок и скоморошили над Ириной Александровной. Прервались на объяснения об отсутствующем на уроке Голунове. Кстати, к чести Костецкого, тот, когда ему пересказали инцидент, возмутился:

– Я в шоке! Да как так, никто не встал за Максимку! Да вы мужики или кто?

– Я горжусь вами, братья! Своя шкура ближе к телу! Всё правильно сделали! – поддержал его Фролов. Мальчишки тогда чуть не подрались из-за этого.

Больше в тот день в средней общеобразовательной школе № 19 ничего интересного не произошло. Хотя нет. На уроке литературы Миша Фролов снова довёл пожилую учительницу до белого каления, заявив на опросе, что у Горького он читал «Буревестника». И это вместо заданных «На дне», «Мать» и многого другого. У них была вражда с десятого класса. В начале учебного года сменился преподаватель. Новая учительница Вера Константиновна имела неосторожность озвучить своё мнение, что ученики никогда не смогут преодолеть барьера «Курочки Рябы» и «Теремка». Все промолчали, решив не спорить, кроме, разумеется, Миши. Тот возмутился:

– Простите, а почему это Вы так думаете, ведь Вы ещё не знакомы ни с кем из нашего класса, а уже такие высказыва-

ния!

– А что, разве не так? Ну, скажи нам, каких авторов ты читаешь? – ласково улыбнувшись, ответила Вера Константиновна. – А мы послушаем.

– Почему мы? Мои одноклассники давно в курсе, – парировал Фролов и огласил довольно солидный список писателей, из которых Лида читала только Акутагаву, Хемингуэя и Маркеса. В тот момент всех охватила большая гордость за Мишу и вообще за весь класс, так как учительница, слушая его, медленно бледнела, поджав губы. С той минуты они стали вежливыми врагами. Их стычки забавляли всех.

Когда, наконец, кончился последний урок, Лида в потоке класса устремилась вниз по лестнице – к выходу из школы, обдумывая предстоящий разговор с Пашей.

Когда она спустилась на первый этаж, то увидела, что возле расписания собралась небольшая толпа.

Восьмиклассники обступили кого-то плотным кольцом и галдели, выкрикивая угрозы. Паша Костецкий тут же взял курс на толпу и резко вклинился в нее. Фролов, оторвавшись от хихикающей Альбины Паньшиной, которой он что-то шептал на ухо, моментально рванул за другом. Альбина тут же надулась.

– Пшли вон, салаги, – беззлобно ругался Костецкий, бесцеремонно расталкивая всех вокруг.

– Цыц, муха! – отрезал Фролов, надвинув на глаза бейсболку запротестовавшему было восьмикласснику.

– Да это же тот поп, который за Голунова впрягался! – слышалось справа над ухом. Это воскликнул Юрка Снытко, который ростом превосходил всех в школе.

Лида вздрогнула и устремилась к толпе, но пробиться к расписанию ей уже не удалось.

– Да тихо, я сказал! – рявкнул Паша на толпу. Мальчишки предпочли успокоиться.

– Слышь, мужик, а ты кто вообще? – Лида теперь могла только слышать. Даже встав на цыпочки, она ничего не видела из-за рослых восьмиклассников. «Вот ведь акселераты!», – досадливо подумала она.

– Человек, – это был голос её Паши. Но как он мог быть здесь, ведь он должен был находиться в больнице, да и номера школы она ему не говорила!

– Сам вижу. А чего за демонстрация тут?

– Спроси вон у них, я сюда не ссориться пришёл.

– Жека, иди сюда. Докладывай! – Костецкий обращался к здоровому мальчишке – тот был у всех восьмиклассников кем-то вроде главаря.

– А чё он наехал на Лёху?

– Враньё, – Пашин голос был спокойным и уверенным.

Тут Снытко, которому надоело стоять сзади, стал проталкиваться сквозь толпу. Лида воспользовалась моментом и, ухватившись обеими руками за его олимпийку, нырнула за ним.

– Паша! – воскликнула она, увидев своего героя. На вос-

клицание обернулся и Костецкий.

– Чего? – спросил он, но, увидев, что она смотрит вовсе не на него, обернулся к собеседнику.

– А ты что, к Лиде, что ли, пришел? Так бы и сказал сразу, а то мы чуть тебя не прессанули.

– Всё, цирк окончен, давайте быстро по горшкам и спать! – эти слова Костецкий адресовал уже восьмиклассникам. Те связываться не стали, так как Пашка, который однозначно был у всех в авторитете, имел, к тому же, тяжёлую руку. Только их главарь, фамилии которого Лида не знала, запротестовал:

– Не, Пахан, так дела не делаются! Чё за ерунда?

– Да иди, давай, иди! – это Миша оттеснил его от греха подальше, так как Костецкий моментально покраснел от злости.

– Пошли, Жека, – друзья увлекли его вверх по лестнице.

– Слышь, Паш, это тот, который позавчера бился с кировскими, – доложил Костецкому Юрка.

– О-па! – Костецкий уважительно посмотрел на разукрашенного побоями Бородина, который был уже одет не в китель, а в чёрную джинсовку с надписью «Metallica». На плече у него красовалась потрёпанная спортивная сумка.

– Мужик, да ты крут! Будем знакомы, – сказал он, протягивая руку. – Похоже, тёзки мы.

– Да, – усмехнулся Паша, – точно.

Юрка Снытко и другие мальчишки, бывшие тогда в гор-

саду, уже куда-то пропали. Остались девчонки и те, кто тогда отсутствовал.

– Михаил, – это тянул руку Фролов. – Весьма разочарован, что нас с Пашей тогда не было в парке, вот бы мы тем подонкам наваяли от души! А ты что, каратист?

– Не, боксёр, – покачал головой Паша.

– Круто. А разряд какой?

– Камээс.

– Слушай, Мигель, так это не мы его от молодых спасли, а как раз наоборот.

– Ага, Пабло, да он бы их просто поубивал! – обрадовался Фролов.

– Ладно, мужики, извините, я к Лиде пришёл...

– Да не вопрос, о чём речь? Держи краба. Только давай-ка мы с Мигелем вас проводим немножко, мало ли что, у нас тут некоторые совсем без башни. Камрад, ты не против?

– Как можно? Пошли, как раз прогуляемся до ларька на Герцена.

Костецкий и Фролов, как всегда, остря на каждом шагу, довели их до перекрёстка и распрощались.

Лида с Пашей остались вдвоём.

Какое-то время они молча шли по проспекту. Лида боялась даже голову повернуть в сторону Паши, хотя чувствовала, что время уходит. Вся её ночная решимость расставить точки над і бесследно испарилась. Тишину нарушил Павел:

– Лида, я сегодня уезжаю домой, последний автобус в че-

тыре часа... в общем, ну... я хотел сказать, ты мне нравишься... очень. Можно, я тебе буду писать, ну, если ты не против, конечно, и... если ты уже не дружишь с кем-нибудь, – Павел смешался и замолчал.

Лида остановилась, резко повернулась на каблуках и, откинув со лба непослушную прядь, сказала, глядя то на Павла, то на фонарный столб с вороной на верхушке:

– Ты знаешь, Паша, а ведь я то же самое тебе хотела сказать, но не знала, как начать.

К щекам Павла прилил слабый румянец, правая рука метнулась к пластырю над глазом. Но уже через пару секунд ему удалось справиться со смущением и он, напустив на себя непринуждённый вид, деловито изрёк:

– Ну вот, обе стороны пришли к неизбежному консенсусу. Когда будем играть свадьбу?

Лида улыбнулась и, стараясь не обращать внимания на ворону, которая уже слетела с фонаря на асфальт и теперь почему-то подбиралась к Павлу, сказала:

– Ну, если у тебя нет жены и троих детей, то осенью обязательно поженимся.

Она ещё хотела добавить, что свадебного путешествия не предвидится – ей предстоит поступать в медицинский университет, тот, что слева от них, через дорогу, но тут она заметила, что ворона вплотную подобралась к ним. Павел стоял к ней спиной и не мог видеть наглуую птицу.

– У меня пока что нет жены и детей, но я надеюсь, что

это... э-э-э! – Павел от неожиданности шархнул в сторону, чуть не уронив сумку с плеча. Не менее напуганная ворона, чья попытка сорвать блестящую бляшку с ковбойского ботинка Павла провалилась, тоже рванула в сторону, едва не врезавшись в витую ножку скамейки. Сориентировавшись, она проскакала под скамейкой к газону, вызывая каркнула и взлетела на аккуратную голубую ёлку, откуда продолжила своё наблюдение за Павлом.

Лида, закрыв лицо руками, заливалась смехом, глядя на эту сцену. Сообразив, что к чему, Павел и сам развеселился.

– А я-то думал, что блестящее привлекает только сорок, а тут смотри-ка...

Они смеялись, а прохожие шли мимо, иногда недоумённо оглядываясь на странную парочку – хрупкую девушку в белоснежной блузке и бандитского вида неформала со зловещей надписью «Kill 'Em All» во всю спину. Недостаток знания английского языка у прохожих с лихвой восполнялся недвусмысленным изображением выпавшего из чьей-то руки молота на фоне кровавого пятна. Явное несоответствие друг другу Паши и Лиды бросалось в глаза, словно делая молчаливый вызов всему миру. Да в принципе, так оно и было – утончённая девушка из приличной семьи и воспитанный одной лишь матерью дворовый парень.

Что было у Лиды? Мама – директор Дома детства и юношества, заслуженный музыкальный работник области, папа – главный врач центральной станции скорой помощи. Счаст-

ливое детство, летние поездки на Золотые Пески, Диккенс и Чехов после вечернего семейного чаепития, хоровая школа с отличием, серебряная медаль в школе, перспективы.

А что у Павла? Мама – инвалид второй группы, которая смогла подарить сыну свою любовь и заботу, но не сумела обеспечить материально. Вместо уютного дворика с песочницей – гаражи и стройка, в которой он не раз прятался от больших пацанов ещё до того, как записался на бокс. Школа, в которой ему никак не давалась алгебра – приходилось каждый год оставаться на осень. Уличные стычки с гопниками, ножевое ранение в грудь, летняя подработка в «Зеленстрое», чтобы купить себе ботинки.

Однако сейчас всё это не имело никакого значения. Павел видел перед собой ту единственную, ради которой стоило побороться и со всем миром. Лиде же было абсолютно наплевать на всякие условности – она была готова следовать за своим избранником хоть куда. Её даже не смущало то, что она не знала о Паше почти ничего. Но, вероятно, краешком сердца она чувствовала, что за этой смущающей обывателей внешностью скрывается нежная, чуткая душа. Они смеялись, болтали о пустяках, гуляли по зелёным улицам, взявшись за руки, как дети. Каждый понимал, что их встреча просто не могла не состояться. И радость этой встречи так и не проходила. Ни в тот день, ни в последующие дни, месяцы и годы.

Остановка времени

Борис любил мечтать с самого детства. Почти каждую ночь он просто лежал с закрытыми глазами до двух часов, не в силах уснуть. Богатая фантазия, подкрепляемая прочитанными сказками и фантастическими историями, часто рисовала ему захватывающие дух приключения. Например, хотелось побывать счастливым обладателем волшебной палочки, которая исполняла бы любые пожелания. Или иметь ковёр-самолет, как у старика Хоттабыча, ведь тогда можно улететь и в Италию, чтобы понежиться на песочке где-нибудь в Вероне (интересно, возникнут ли проблемы на границе?). А волшебные кольца, при помощи которых можно попасть в сказочную страну Нарнию, где живут говорящие звери? Владеть такими – значит быть самым счастливым человеком на Земле. Или вот возьмём, к примеру, Люка Скайуокера, героя «Звёздных войн». У него был световой меч. Иметь бы такой – и никакие обидчики не страшны. Он бы и за беззащитных заступался.

Однажды он в «Марсианских хрониках» Рэя Брэдбери читал, как один человек не пожелал возвращаться на Землю с обжитого людьми Марса во время мировой войны. Он остался на пустой планете и всю жизнь пользовался благами цивилизации. Совершенно бесплатно, разумеется. Тогда Борис замечтался, чем бы занялся он, оставшись во всём городе один. Но не насовсем, конечно. Без родных и друзей всё равно плохо. Но больше всего его воображение пленяли мечты о спо-

способности останавливать время. Вот это действительно круче всего!

У кого-то из зарубежных фантастов главный герой мог то ли замедлять время, то ли ускорять собственный метаболизм. В результате в нужные моменты всё вокруг как бы начинало двигаться очень медленно. Можно и банк ограбить, а можно и хулигану накостылять. Можно стать лучшим в мире боксёром или футболистом.

Но полная остановка времени – это, всё-таки, гораздо лучше. Вроде как весь мир поставил на паузу. Да таким образом можно стать героем всех времён и народов! Что там жалкие человек-паук или Бэтмэн!

А вот если бы время останавливалось само каждый раз, когда кому-нибудь рядом угрожает опасность! Тогда можно предотвращать любые преступления. Вот это дело! Заморозил время, подошёл к террористу, забрал бомбу, взамен крысу дохлую в руку вложил. Или розовый воздушный шарик. Вот потеха! Да он посвятил бы этому делу всю свою жизнь! Ничего более интересного и увлекательного даже представить себе нельзя. Предотвращать чужое горе. Жертвовать собой. Точно, именно жертвовать, ведь в таком случае он будет стареть гораздо быстрее других. Пока всех преступников обезвредишь, часа два-три точно пройдёт. Но ладно. Ерунда. Борис был готов принести в жертву своё время. Меньше, чем положено, всё равно не проживешь. Зато какая была бы жизнь! Сказка!

Таким мыслям Борис предавался и дома, и в школе. А в особенности, когда ходил по улицам города, когда попадал в неприятности или смотрел криминальные сводки по телевизору.

Вот и сейчас он шёл домой с занятий, погружённый в тягостные раздумья. На контрольной по неорганической химии ему не хватило каких-то пяти минут на решение простой, в принципе, задачи. Последней. Пятерка, само собой, сорвалась. Эх, вот так вот щёлкнул бы пальцами, остановил время – и всё путём.

Потенциальную опасность он заметил автоматически. В какой-то сотне метров впереди, на углу дома, стояли трое пацанов в спортивных костюмах. Намётанный глаз моментально определил, что стоят они не просто так. Борис тут же свернул налево. Лучше обойти этих гопников по другой улице и не искушать судьбу. Эти-то уж точно сшибают деньги с таких, как он. А вот хорошо бы их проучить!

Взгляд, блуждавший по окрестностям, внезапно натолкнулся на девушку. Нет, девушка, конечно, вовсе не была единственной на улице. Просто она совершенно неожиданно для Бориса оказалась целиком и полностью в его вкусе. Да-да. В свои пятнадцать лет парень инфантильным не был. Девушки занимали его мысли достаточно часто.

Но эта девушка стоила всех вместе взятых. В тот момент она показалась ему сказочной нимфой. Её волосы были не просто рыжими – они огненными волнами окатывали округ-

лые плечи. Глаза казались не просто зелёными – они блистали на солнце, как изумруды. Слегка вздёрнутый носик, округлый подбородок. Лёгкое платьице в цветочек, белые босоножки. На вид ей было лет шестнадцать. Красива ли она? Беспредельно! Но красота эта – не из гламурных журналов. Не аристократическая, украшающая рекламные щиты и экраны телевизоров. Красота родная, домашняя, что ли.

Навряд ли милого личика касался отпечаток надменности. Она даже не пользовалась косметикой. По крайней мере, её следов не было видно. Впрочем, этой девушке косметика к чему.

Всё это парнишка успел заметить за несколько секунд, пока они сближались. Вот между ними около пяти метров. Надо отводить глаза. Неприлично вот так идти и пялиться. Поравнялись. Боковым зрением Борис увидел, что сказочная нимфа вроде бы слегка повернула голову в его сторону. Ах, если бы! Сейчас он всё отдал бы за то, чтобы познакомиться с ней. Как обидно! Разошлись. Всё.

От досады Борис щёлкнул пальцами. Она, конечно же, дружит с парнем покруче. Эдаким спортсменом, вроде Жеки Лямина из 11-го Б.

И тут мальчишка остановился, как вкопанный.

Женщина с красной сумкой на плече, которая вела за руку маленькую большеглазую девочку, застыла с поднятой рукой. Видимо, она хотела убрать с глаз чёлку, но рука так и не достигла лба. Девочка, задрав голову вверх, тоже пребывала

неподвижной.

Борису стало страшно. Слегка закружилась голова, его перерднуло от неприятного холодка, пробежавшего до самого копчика. Медленно-медленно он перевёл взгляд на бородача в затемнённых очках. Тот уставился на свой мобильный телефон, видимо, читая или отправляя сообщение. Мужчина не двигался. Похоже, что даже не дышал.

Борис стоял посреди улицы и дико озирался по сторонам. Люди вокруг как будто играли в «Море волнуется». На всеобщий сговор это похоже не было. Всё ясно! Это либо сон, либо глюк.

Точно. Помешательство на почве переутомления плюс неуёмная фантазия.

– Их бин больной, – вяло произнес Борис вслух. Просто для того, чтобы удостовериться, что он – это всё ещё он. Засвербило в носу, и он чихнул. Вышло очень громко. Наверно, потому что городские шумы разом исчезли.

Автомобили не двигались, несколько голубей висело в воздухе. Ну прямо фильм «Матрица».

– Ну да, сейчас, конечно, появится Морфеус и скажет что-нибудь вроде: «Проснись, Нео, ты в сумасшедшем доме», – пробормотал несчастный Борис.

Обычно он не разговаривал с самим собой и не думал вслух. Но теперь это казалось ему необходимым. Всеяло уверенность.

Положив сумку с тетрадями и учебниками на свежеско-

шенный газон, Борис постарался унять участвовавшее дыхание. Сердце бешено колотилось, кровь стучала в голове. Дрожащая рука коснулась низкорослого кустарника на границе тротуара и проезжей части. Обстриженные веточки колелись. Реальность?

Буквально всем напряжением воли Борис заставил себя успокоиться и думать здраво. Мозг понемногу начинал соглашаться с тем, что видели глаза и слышали, а точнее, не слышали, уши. Время действительно остановилось.

Но почему?

Пальцы!

Взгляд скользнул вниз, к дрожащим пальцам, вцепившимся в пряжку ремня. Как, неужели? Он всего лишь щёлкнул ими – и...

Сбылась мечта идиота?

А что, если снова щёлкнуть? Всё пойдёт своим чередом? Стоп, не стоит торопиться. А вдруг потом не получится снова остановить время? Даже апостол Пётр только один раз ходил по воде... Разум откажется верить – и не сработает. Во сне часто так бывало – если летаешь, то плохо, низко. Если палочка волшебная – то барахлит. Если в машину сел, то заводится долго и ездит медленно.

Ну а пока что всё работало...

Борис вспомнил о хулиганах, из-за которых ему пришлось свернуть на эту улицу. Надо бы пойти да отмочить что-нибудь эдакое с ними, чтобы им потом стыдно было даже со-

бираться вместе. Скажем, пусть они обнаружат друг друга держащимися... Хотя, стоп! Если бы не эти охламоны, он не свернул бы сюда и не встретил бы... Её!

Девушка! Как он мог забыть о ней!

Борис даже кинулся бежать, хотя расстояние между ними не превышало и тридцати метров.

Вот она! Прекрасная. Узнать бы, как её зовут. Да что же это он? Ведь это просто элементарно.

В её пакете оказалось три учебника и тетрадки. И так, тянем-потянем... Вот и тетрадь. На ней красивым мелким почерком написано: «Для контрольных работ по русскому языку ученицы 10 класса «А» средней школы № 19 Кабановой Татьяны». Тетрадь тотчас же была возвращена на законное место.

Таня...

Борис немного отошёл и походил вокруг, любуясь девушкой, стараясь запомнить её получше.

И тут он обратил внимание на одну деталь, которая всё изменила. Таня не носила бюстгальтера. Возвышенные сказочные чувства постепенно уходили куда-то, а на смену им приходили совсем другие. Более приземлённые. Снова кровь застучала в висках. Заработала новая мысль.

Такая... красивая... недоступна, конечно же... другому достанется... а что, если... ну, хотя бы... потрогать её?

А. собственно, чего это он? Что за ажиотаж такой? Да ему теперь доступна любая! Он теперь может щупать каждую по-

нравившуюся ему девушку сколько влезет. И никто не узнает ничего.

Теперь Борис смотрел на Таню другими глазами. Как-то свысока. И не казалась уже она ему неземной нимфой. Сейчас и отныне все они в его власти – стоит только пальцами щёлкнуть. Да он теперь всемогущ! И всё безнаказанно!

Дрожа от волнения, Борис подошёл к Тане сзади и протянул руку, чтобы расстегнуть молнию на её платье. Ещё секунда и...

И тут всё пришло в движение. Девушка, не заметив паренька, судорожно отдернувшего руку, удалялась, цокая каблучками по тротуарной плитке. Затарахтели автомобили. Мимо прошла усталая женщина с четырёхлетней дочкой, покосившись на мальчишку, который вроде бы только что был в другом месте.

Да что же это?!

Борис щёлкнул пальцами. Ничего. Сильнее. Тот же эффект.

Чтобы не привлекать к себе внимания, он поднял сумку, перешёл через дорогу, продравшись через кустарник. Присел на скамейку, даже не удосужившись стереть с неё пыль. Ещё около получаса он безуспешно щёлкал пальцами, пытаясь вновь остановить время.

Внезапно он всё понял, и ему захотелось заорать от досады на самого себя. Он провалил экзамен. Сколько раз он мечтал и даже молился об этой способности, чтобы стать на-

стоящим героем. Спасать людей.

И на что же он пытался употребить этот дар? На воровскую низость? Повёл себя как настоящий болван! И лишился всего.

Борис заплакал, как ребёнок, повернув голову в ту сторону, куда ушла сказочная нимфа Таня.

В ожидании

– Ларочка, посиди здесь, на скамейке, постереги сумку, а я сейчас быстро приду, схожу только в туалет!

Мама посадила четырёхлетнюю дочь рядом с худощавым усатым мужчиной неопределённого возраста, задумчиво читающим какую-то газету. Обшарпанную красную сумку поставила рядом со скамейкой.

– Мама, только ты быстро приходи, ладно?

– Конечно, Лара, сейчас.

Туалет на автовокзале по какой-то причине оказался закрыт, поэтому Татьяне пришлось идти на железнодорожный.

Обычно, желая подчеркнуть высокую степень озабоченности, говорят, что в голове роились мысли. Какое там роились! Татьянины мысли не летали, а тяжело маршировали целыми колоннами, причём в разные стороны. От такого бедлама голова просто раскалывалась, даже поворачивать глаза было нестерпимо больно. Может быть, в этом был виноват портвейн, которым её вчера угощала подруга. Или затрещина, полученная утром в награду от мужа. Тогда она

больно стукнулась головой о холодильник. Собрав кое-как вещи, она решила снова пожить с Ларисой у мамы пару недель. Обычно Сергею хватало этого времени, чтобы соскучиться. Тогда он приезжал за ними и просил прощения.

Головная боль усиливалась. Хотелось спать. Татьяна подошла к ступенькам, но спуститься почему-то не получилось. Левая нога никак не хотела слушаться. Внезапно подкатила нестерпимая тошнота, и Татьяну вырвало на ступеньки.

– Алкашня! – процедила грузная немолодая женщина, обойдя её стороной.

Закружилась голова, да так, что пришлось опуститься прямо на асфальт – до лавочки было слишком далеко. Всё тело бросило в жар, сердце буквально вырывалось из груди. Ещё миг – и Татьяна словно провалилась в какую-то пропасть.

Девочка беспокойно оглядывалась по сторонам. Когда же, наконец, придёт мама?

Хотелось что-нибудь покушать, но мама ещё не успела ничего купить. Громкий голос объявил, что начинается посадка на какое-то направление. Усатый мужчина, сидевший рядом, засуетился и, стараясь не смотреть на худенькую большеглазую девочку, которую мать оставила уже больше часа назад, поспешил к автобусу.

Ларисе очень хотелось пойти искать маму, но она боялась оставить сумку без присмотра. Она с надеждой смотрела на

людей, представляя, что вот-вот кто-нибудь заметит, как она сидит здесь совсем одна, подойдёт и спросит, где её мама. Тогда взрослые соберутся, найдут её и приведут к ней. И они смогут поехать к бабушке в деревню. Там клювачий петушок, курочки и коровка Ночка. А ещё там малинка в огороде...

Татьяна пришла в себя. В ушах гудело так, как будто лежишь на самолете с открытыми иллюминаторами. С усилием оторвала голову от ступеньки. Ощущение падения не прекращалось.

Лара! Её дочка сидела совсем одна на лавочке за углом! А она тут разлеглась!

Татьяна предприняла попытку встать, но сил не хватило. Тогда она попыталась позвать на помощь, но язык не повиновался. Из рта вырывались только бессвязные звуки. В отчаянии она пыталась даже ползти, но ей стало ещё хуже. В глазах двоилось. Шум в ушах усиливался. Голова просто раскалывалась от боли. Инсульт развивался стремительно.

А люди всё шли мимо, стараясь не замечать пьяную женщину.

Если б не было тебя...

Ольга познакомилась с Мишей на дне рождения своей подруги Оксаны. Та была девочкой без комплексов и пригласила кучу всякого народа. Кое-кого из пришедших не знала

даже сама Оксана. Тем не менее, это нисколько не затруднило весёлого студенческого общения. Через каких-нибудь двадцать-тридцать минут все уже были друг с дружкой на короткой ноге. На столе – модная водка в алюминиевых банках, много фанты, консервированные огурчики и шпроты. Ещё постаралась Катя – двоюродная сестра Оксаны, с которой они жили в одной комнате студенческого общежития политехнического института. Она ухитрилась приготовить пару селёдочных салатов и отварить целую кастрюлю картофеля с укропом. Так что стол, можно сказать, ломился от яств. Да ещё пришедшие сочли просто необходимым принести хоть что-нибудь к столу, и теперь извлекали из пакетов и карманов – кто пиво, кто сок, а развязный Эдик, студент политеха, небрежным жестом положил целую палку копчёной колбасы.

– О-па, нормально! – оживился длинноволосый парень с серёжкой в правом ухе. Кажется, его звали Витей. Судя по фенечкам на запястьях и футболке навывпуск, выглядывающей из-под чёрной джинсовки со всевозможными заклёпками и цепочками, он учился либо в универе, либо в «культуре». Он уже был знаком с Катей, сидел рядом с ней и время от времени что-то шептал ей на ухо.

Девочек за столом было немного: Ольга, сама виновница торжества с сестрой, пухленькая Вика – Оксанкина одногруппница и Алёна из только что открытого «коммерческого». Зато мальчиков – хоть отбавляй. И все симпатичные. Лишь Эдик не вызывал в Ольге никаких эмоций, поскольку

манерой говорить и двигаться походил на человека, не понаслышке знакомого с наркотиками. А таких в её родном городе было навалом. «Торчали» в подъездах, на лавочках во дворе, оставляя после себя одноразовые шприцы. Потом «засыхали» кто в кустах, кто в подъезде. Один такой как-то целых два часа просидел на корточках посреди городской площади с чупа-чупсом во рту. Примерно раз в десять минут он вынимал леденец изо рта, задумчиво смотрел на него, то и дело, закрывая глаза, затем засовывал обратно.

Михаил Фролов, высокий мальчик лет восемнадцати, учился на первом курсе медицинского университета. Его привел Вадик – Оксанкин парень. Они с Мишей учились на одном факультете, но в разных группах. Вадик уже хорошенько поддал и взахлёб рассказывал другу приключившуюся с ним историю:

– Прикинь, Мих, еду я сегодня в трамвае, а на сиденье сидит мужик. Рубашку расстегнул, чуть ли не до пупа, а там у него на вот такенной золотой цепи висит икона Богородицы величиной с пачку «Данхилла». Тоже золотая. На руке – золотой браслет с полкило, не меньше! И вот этот новый русский, едет в трамвайчике. Уж не пойму, то ли мерс у него поломался, то ли себя показать решил, пёс его знает... Так о чём это я? А, ну и вот, едет такой, и у него телефон звонит. Прикинь? Сотовый! Весь трамвай, короче, в транс. А он важно так достаёт телефон и говорит туда типа: «Алё!» Я вообще чуть не упал!

Михаил улыбнулся, причём уголки рта при этом смешно опустились.

– Владелец заводов, газет, пароходов... Нет, ну сами рассудите, коллега, кто же узрит всю его славу, если он будет всё время в тонированном мерсе рассекать по нашим негритянским трущобам? Вот пациент и вышел в народ. Комплекс неполноценности, надо полагать...

Ольга уже обратила внимание на его глубокие карие глаза, статную фигуру и манеру держаться уверенно, но без напускной бравады. Теперь её привлёк приятный голос, от которого веяло... какой-то надёжностью, что ли? Что-то в Михаиле было особенное, притягательное.

Аккуратно стряхнув пепел с длинной сигареты в пустую баночку из-под «фанты», Михаил задумчиво потёр лоб тыльной стороной руки, покосился в Олину сторону и сказал, обращаясь к Вадику:

– Ну что, Сергеич, как там твой анатом?

Вадик помрачнел лицом, выругался и, отложив в сторону вилку с наколотой картофелиной, сказал:

– Прикинь, он меня сегодня, такой, поднимает и спрашивает, где проходит лицевой нерв, ну, я ему, значит, всё подробно описываю, а он говорит, типа, неправильно, садись, два. Я сажусь в полном ауте, открываю атлас, смотрю, а я всё правильно сказал, как там написано. Ну, я, такой, ему и говорю, типа, что за ерунда, вон, в книжке так написано.

– Ну да. А он?

– А этот упырь улыбается так ехидно и говорит, мол, неправильно в твоей книжке написано!

– Совсем уже, что ли?

– Ага, прикинь, наши все, такие, в трансе, а я ему говорю, ну тогда, мол, скажите сами, как фациалис проходит.

– Ну?

– А он говорит: «А я знаю, как он проходит, и мне хватит».

Михаил развернулся на табуретке и уставился на друга в упор.

– Да ладно! Как так?

– Вот так вот, а ты как думал? Мы после занятия всей группой подошли к завкафедрой, спросили, где проходит фациалис. Он на нас как на дураков сначала посмотрел, потом мы всё-таки докопались до него, он нам сказал то же самое, что и я. Мы ему всю эту историю рассказали, а он нас прогнал, чтоб на своего преподавателя не жаловались.

– Слушай, я в шоке! Как двойку теперь отрабатывать будешь?

– Да пошёл он! Правильно его каждую зиму бьют! Как второй курс анатомию сдаёт, он, говорят, в больницу попадает с побоями.

– Ну, это, жалко мужика, хорош бы ему уже студентов доводить.

Ольга выпила ещё немного водки. Поморщилась, запила томатным соком. Интересно, наверное, учиться в медицинском, только слишком уж сложно. Спиртное понемногу раз-

вязывало язык.

– Мальчишки, а вы как, на трупах там учитесь?

– На зомби, – радостно закивал Вадик.

Михаил улыбнулся, проглотил кусок колбасы и сказал:

– У нас в подвале целый бассейн с формалином, метров пять на восемь примерно, так там отказные трупы плавают. Мы на каждое занятие отлавливаем какой-нибудь труп и в класс поднимаем на носилках.

Вика с отвращением отодвинулась от салата, а Алёна брезгливо высунула язык, скорчила недовольную мину и с возмущением сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.